

АЛЕКСЕЙ ЕВТУШЕНКО

ОТРЯД

Отряд

Алексей Евтушенко

Отряд

«Автор»

2000

Евтушенко А. А.

Отряд / А. А. Евтушенко — «Автор», 2000 — (Отряд)

Судьба солдата изменчива и непредсказуема. Особенно на войне. Но чтобы смертельные враги – бойцы Рабоче – Крестьянской Красной Армии и солдаты германского вермахта стали товарищами по оружию, должно случиться что – то из ряда вон выходящее. На их долю выпали невиданные испытания. Прогулка под конвоем в другую галактику, гладиаторские бои, спецоперации в подземных лабиринтах заброшенной планеты, гиперпространственные прыжки и ядерные разборки на Земле третьего тысячелетия... Но они, разведчики Второй мировой, выдержали все и стали Отрядом, группой людей, накрепко спаянной дружбой, пролитой кровью и общей судьбой. Как раз той самой, что у солдата изменчива и непредсказуема.

© Евтушенко А. А., 2000

© Автор, 2000

Содержание

Часть I. ПЕЩЕРЫ ПЕЙАНЫ	5
ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	15
ГЛАВА 4	20
ГЛАВА 5	26
ГЛАВА 6	31
ГЛАВА 7	37
ГЛАВА 8	40
ГЛАВА 9	46
ГЛАВА 10	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Алексей ЕВТУШЕНКО

ОТРЯД

*Моему другу Сергею Ситнику, командиру разведроты,
посвящается*

*Храброе войско убеждает нас в пользе дела, за которое оно
борется.*

Ф. Ницше

Часть I. ПЕЩЕРЫ ПЕЙАНЫ

ГЛАВА 1

Обер-лейтенант сухопутных войск вермахта Хельмут Дитц, долговязый белобрысый саксонец, привычно пригнувшись, возвращался по ходу сообщения в расположение своей роты из штаба батальона, куда был срочно вызван час назад командиром батальона майором Шлауфенбергом.

Двадцатичетырехлетний Дитц последние два года практически не вылезал из окопов на Восточном фронте, за исключением краткосрочных отпусков, которые начальство (следует отдать ему должное) щедро предоставляло тем, кто умудрялся выжить и уцелеть на переднем крае в течение двух недель боев или полутора-двух месяцев относительного затишья. Поначалу эти несколько дней, на которые удавалось вырваться в родной Дрезден, воспринимались Хельмутом как великое счастье и дар небес. Еще бы, герой приехал с фронта, тот самый бесстрашный красавец-ариец, который огнем и мечом расчищает великому немецкому народу путь на восток, сокрушая орды русских варваров во славу фюрера и тысячелетнего рейха! И как тут устоять простой немецкой девушке, единственная слабая защита которой – наказ матери о девичьей чести, давно, впрочем, забытый и похороненный в глубинах любвеобильного сердца. Да и, кроме того – ведь Германии нужны солдаты, а Германия превыше всего! И лился рекой добрый шнапс и мозельвейн. И отлетали под нетерпеливыми солдатскими руками пуговицы с шелковых блузок.

И похмельный рассвет, как партизанская засада в: русском лесу, заставал Хельмута Дитца врасплох на чужой кровати рядом с очередной полногрудой красоткой в комнате, пропахшей табачным дымом, вчерашним алкоголем и дешевыми духами.

Да, поначалу все было просто отлично. Боевой азарт кружил голову и горячил кровь на фронте, а женщины и шнапс – в тылу, но после Сталинграда что-то как будто сдвинулось в саксонской душе Дитца, и свои кратковременные отпуска он теперь предпочитал проводить в оккупированном западноукраинском городе Львове, где, с одной стороны, хватало европейских развлечений, а с другой – это была не Германия.

Дитц, как истинный солдат славного вермахта, не слишком любил копаться в себе, слушая чаще не голос рассудка, а природный инстинкт, который говорил, что ехать Хельмуту в Германию уже не хотелось совершенно. Конечно, подобному его поведению при желании легко можно было подыскать вполне приемлемое для холодного немецкого ума объяснение: во-первых, разумеется, то, что Хельмут вот уже полгода как остался один (с отцом произошел несчастный случай на заводе, а мать Дитца умерла еще до войны); во-вторых, немецкие девушки в последнее время несколько подрастеряли энтузиазм и теперь предпочитали отпуск-

ников из Европы, которые хотя бы могли подарить своей подружке пару чулок и флакон французских духов; в-третьих, война уже настолько вьелась в плоть и кровь Хельмута, что он неоднократно с изумлением замечал, что мысли о ДОМЕ ассоциируются у него с родным взводом и грязным окопом, поспешно вырытым в русской земле, а отнюдь не с уютной квартиркой на окраине Дрездена. Да, все это обстояло именно так, но, пожалуй, в самом главном обер-лейтенант Хельмут Дитц не решился бы признаться даже самому себе: он больше НЕ ЧУВСТВОВАЛ себя героем и уже НЕ ВЕРИЛ в священную миссию Германии на этих трижды проклятых бескрайних русских полях.

Обер-лейтенант сухопутных сил вермахта, командир разведвзвода Хельмут Дитц возвращался в расположение своей роты, и за его длинной, обтянутой серо-зеленым мундиром спиной на западе красиво остывал летний закат, окрашивая редкие облака в нежный розовый цвет. Тянуло густым травяным духом пополам с кисловатым запахом опасного железа, сгоревшего пороха и человеческих испражнений. Уходящее солнце горело последними своими лучами на золоченом кресте чудом сохранившейся церквушки в разбитой снарядами и авиабомбами деревне на холме, километрах в двух отсюда, сразу за полем и речкой с поросшими редким лесом берегами.

Но Дитцу было не до красот русской природы, которой он по горло нахлебался за два года (какая, к черту, природа, если в ней обычно прячутся или партизаны, или регулярные войска?!). Предстояло выполнить боевую задачу, и обер-лейтенант привычно прикидывал на ходу план действий.

А задача ставилась такая: силами его разведвзвода, пользуясь ночной темнотой, скрытно подойти опушкой леса к этой самой деревеньке на холме и занять ее. В случае, если упомянутые остатки населенного пункта будут заняты противником, провести разведку боем и вернуться. Если же деревня окажется брошенной, следовало оборудовать на церковной колокольне пункт корректировки артиллерийского огня и держаться до прихода подкреплений.

По данным утренней воздушной разведки, движения людей и техники в деревне не наблюдалось. Но один день на войне – это очень долго, и все уже могло измениться.

Обер-лейтенант гордился своим взводом, не без оснований полагая, что его разведчики – лучшие во всей 48-й пехотной дивизии. За полтора года, которые он командовал взводом, тот потерял убитыми только девять человек, так что больше половины состава являлись ветеранами, прошедшими сотни и сотни длинных и смертельных верст России: от болот Белоруссии до гиблых подмосковных снегов; от сталинградского ада – сюда, под Курск, в лето сорок третьего года.

Да, Дитц гордился своими солдатами. Это были храбрые парни и верные товарищи, на которых можно было положиться в любой, казалось бы, самой безнадежной ситуации и которые честно исполняли свой солдатский долг на этой проклятой войне. Они с презрительной усмешкой поглядывали на карателей из СС, норовящих «повоевать» с мирным населением и редко появляющихся на передовой. Правда, надо признать, что мирное население в России сильно отличалось от того же мирного населения, скажем, во Франции.

Дитцу тут же отчего-то вспомнился июнь сорокового года и целехонький, умытый весенними дождями, прямо-таки на тарелочке поданный Париж.

Ах, какая это была война!

Просто загляденье.

За каких-то сорок два дня вермахт поставил на колени пол-Европы. Тогда казалось, что будущее предопределено и прекрасно, казалось, что через год – ну, от силы два – и весь остальной мир склонит голову перед непобедимой мощью Германии... М-мда, все вышло несколько иначе, и все же Дитц улыбнулся, вспомнив.

Париж с его пышными каштанами и неповторимой, чудесной атмосферой улиц, площадей, переулков и скверов – атмосферой, которую не смогли испортить ни бензиновая гарь бро-

нетранспортеров и танков, ни кисловатый запах пота и табака, исходящий от бравых солдат непобедимого вермахта, ни... Впрочем, все солдаты всех армий мира пахнут, как известно, одинаково. Да, Париж был прекрасен!

Но чертова память тут же услужливо подкинула картинку сначала из декабря сорок первого, а потом, в довесок, и того хуже – Сталинград.

О господи!

Обер-лейтенант потрянул головой.

Нет, к черту воспоминания. Будем заботиться о дне сегодняшнем, а вчерашний и завтрашний пусть позаботятся о себе сами.

А сегодняшний день, вернее – ночь, потребует от его взвода и от него самого привычной тяжелой работенки.

Впрочем, Хельмут Дитц не боялся. Точнее, не тру-сил. Он был твердо убежден в том, что хороший солдат, который хочет выполнить приказ и при этом остаться в живых (а только такой солдат и может считаться хорошим), просто обязан бояться. Но он же обязан и преодолевать свой страх. Сам Дитц неизменно следовал этому правилу. Дважды представленный к Железному кресту и один раз к Рыцарскому Железному кресту, он получил в свое время лишь один – Железный крест II степени, но тем не менее с гордостью носил солдатский «Знак отличия участника пехотных штурмовых атак», заслуженный им еще летом 41-го под Ельней. Тогда же, в 41-м, в ноябре месяце, после краткосрочных офицерских курсов в Дюссельдорфе, он получил чин обер-лейтенанта и вернулся в родной взвод уже не унтер-офицером, а командиром – случай в вермахте редкий, но возможный. На войне и не такое бывает.

Хельмут Дитц был очень хорошим офицером, но только для своих солдат.

Именно поэтому он вот уже полтора года таскал одни и те же погоны обер-лейтенанта, не рассчитывая на повышение по службе. Да и не особенно, честно говоря, к этому повышению стремясь. Три года войны (он ушел в армию весной сорокового года рядовым), из которых два – на русском фронте и которые, собственно, только и можно было считать настоящей войной, окончательно сковырнули с него романтическую скорлупу геббельсовской пропаганды, и, будучи от природы человеком здравомыслящим, но честным, он, с одной стороны, уже начинал понимать, что война проиграна, но, с другой, продолжал драться, стараясь, по возможности, сохранить жизни своих солдат и свою собственную.

Дитц дошел по ходу сообщения до родного окопа и свернул направо. И тут же увидел торчащие из ближайшей стрелковой ячейки чьи-то ноги в коротких пыльных сапогах. Судя по тому, как эти ноги небрежно и даже как-то независимо лежали одна на другой, их обладатель был жив и жизнью на данный момент вполне доволен, что также доказывала тоненькая струйка сигаретного дыма, поднимающаяся строго вверх к вечернему небу.

– Кх-м! – сказал Хельмут Дитц и, наблюдая за этой тоненькой белесой струйкой дыма, некстати подумал о том, что погода завтра, вероятно, будет хорошая.

Ноги немедленно исчезли, и в проход высунулась круглая голова без каски, принадлежащая пулеметчику Рудольфу Майеру.

Левую руку с сигаретой солдат предусмотрительно держал за спиной.

– Господин обер-лейтенант! – радостно воскликнул он хриплым голосом. – А я тут слегка...

– Вижу, – усмехнулся Хельмут. – Да хватит тебе сигарету прятать. Кури уж, раз начал.

– Спасибо, – солдат глубоко затянулся и, помедлив, спросил: – Какие новости, господин обер-лейтенант?

– Угадай.

– Я так понимаю, что хреновые. Как всегда, впро-чем.

– Правильно понимаешь, Руди. – Дитц поднял голову и оглядел быстро темнеющий небосвод, на котором уже замерцали первые звезды. – Вот что, рядовой Майер, – вздохнув, сказал он, – собери-ка ты мне немедленно в блиндаже всех командиров отделений.

– А чего их собирать... – пожал широкими плечами коренастый пулеметчик. – Они там все сейчас и сидят. В карты режутся.

– Ясно, – глубокомысленно изрек Дитц и, решительно выпятив бритый подбородок, направился к блиндажу.

– Саша, видишь вон ту высотку с церквушкой?

– Ага. Я ее еще днем разглядывал. Сейчас плохо видно – солнце мешает. Зря ты бинокль достаешь, спрячь – не дай бог снайпер блик заметит, он сегодня тут постреливал, зараза.

– Значит, разглядывал, говоришь... – Ротный повернул голову и внимательно глянул на горбоносый профиль командира разведвзвода лейтенанта Александра Велги.

Лейтенант, щуря свои зеленоватые, с нахалинкой, глаза, из-под руки всматривался в заинтересовавшую ротного высотку.

– И как ты думаешь, немцы эту высотку видят?

– Даже еще лучше, чем мы. Им солнце не мешает.

– Представь себе, – медленно сказал ротный, – что ты завтра наступаешь. Что бы ты сделал сегодня, имея впереди себя пустую деревню с целехонькой колокольней?

– Идеальное место для размещения пункта корректировки огня, – сплюнул изжеванную травинку Велга и остро взглянул на ротного. – А почему ты думаешь, что деревня пустая? Я, конечно, движения там не замечал, но...

– Не думаю. Знаю. Во всяком случае, днем она была пустой.

– Погоди... ты думаешь, что немцы...

– Вот именно. Ночью они могут попытаться занять деревню. Попробуй выбей их потом оттуда... Да и сколько они наших позиций накроют артогнем, пока мы их... представляешь?

– А что, завтра у немцев разве наступление? – с наигранным простодушием осведомился Александр и тут же, посерьезнев лицом, добавил: – Комбату докладывал?

– Докладывал, – хмуро проворчал ротный и матерно выругался.

– И?

– Велел принимать решение под мою ответственность.

– Поня-атно, – протянул лейтенант.

С командиром батальона им не повезло – подполковник Иволгин, назначенный недавно им в комбаты из штаба дивизии за какую-то провинность (что-то он там сильно напутал с бумагами), катастрофически не умел принимать самостоятельные решения, и стрелковый батальон вот уже месяц, можно сказать, воевал без командира.

«Хорошо еще начальник штаба и ротные подобрались что надо», – подумал Велга, а вслух сказал:

– Предлагаю силами моего взвода прошупать сегодня ночью эту деревеньку. Как думаешь, Коля?

– Мысли читаешь, – усмехнулся ротный и, достав из кармана галифе трофейный портсигар, протянул его Александру: – Угощайся, взводный, настоящий «Казбек».

Велга с уважением вытащил папиросу, осторожно дунул в гильзу, смял ее одним движением зубов и пальцев и, присев у стены окопа, с наслаждением закурил.

ГЛАВА 2

В громадном крытом амфитеатре древнего Дворца Владык четвертый день подряд шли переговоры. И шли они, судя по всему, прямым ходом к провалу.

Командующие объединенными флотами вместе со своими высшими офицерами хмуро поглядывали на дипломатов и друг на друга. Втайне каждый из них еще вчера отдал приказ скрытно готовиться к большой драке, и теперь они только и ждали момента, когда дипломаты признают безвыходность ситуации.

А ситуация действительно казалась безвыходной.

Около двух тысяч лет назад гуманоидная раса сварогов вышла в космос и принялась завоевывать жизненное пространство.

Поначалу дело шло туго – планет, пригодных для немедленной колонизации, в родной звездной системе не оказалось. Время, однако, поджимало, так как ресурсы планеты-матери неудержимо таяли, а население, наоборот, росло. Свароги совсем уж было собрались колонизировать ближайшие планеты системы (несмотря на громадные расходы, с этим связанные), но тут очень кстати учеными был обнаружен сравнительно дешевый способ гиперперехода, позволяющий быстро преодолевать межзвездные расстояния, – и раса сварогов ринулась на просторы Галактики.

К тому времени, когда было открыто несколько вполне пригодных для жизни звездных систем с кислородными планетами, родная планета сварогов уже совсем поистрепалась.

Полезные ископаемые были выработаны, леса практически сведены на нет, вода и воздух загрязнены – банальный экологический кризис, вернее, экологическая катастрофа, свойственная любой техногенной цивилизации, ставящей во главу угла принцип безудержного потребления.

Впрочем, при тех технологиях, которыми к тому времени обладали свароги, они вполне могли бы привести родную планету в порядок. Однако был выбран иной путь – путь колонизации космоса. Сварогам повезло.

Они почти сразу наткнулись на несколько систем с кислородными планетами, заселили их и уж было решили, что все их трудности позади, но... Что ж, природа разумной расы, которая умеет и желает лишь бесконтрольно потреблять, видя в этом главное свое предназначение, всегда в конечном счете этой самой расе жестоко мстит. И природа отомстила – свароги опять «наступили на грабли».

Какая-то планета оказалась не такой уж и удобной, как думалось вначале. На другой хоть и был замечательный климат, но явно не доставало полезных ископаемых. На третьей – слишком большая гравитация, на четвертой – ужасный животный и растительный мир, на пятой – холодно... И так далее.

Сварогам бы, конечно, объединиться перед лицом обстоятельств, но в космос они уходили разъединенной расой и в космосе разъединенными же остались.

Между колониями начались войны, которые, разумеется, быстро истощили их силы и отбросили на много лет назад по пути эволюции. Пришлось временно плюнуть на все амбиции и заняться просто выживанием и вживанием – каждой колонии самостоятельно.

Кому-то это оказалось не под силу, но кто-то смог не только выжить, но и вернуться в космос. Постепенно колонии росли, как бы заново начинали знакомиться друг с другом и даже заселять новые кислородные планеты.

Наиболее развитые колонии стали объединяться в коалиции, чтобы с учетом печального прежнего опыта успешнее противостоять соседям. Началась борьба за зоны влияния, и в результате в течение нескольких сотен лет сложились и окрепли две мощные космические Империи сварогов, контролирующие каждая до сорока звездных систем.

Следует заметить, что во время всех этих перипетий связь с планетой-матерью все больше и больше ослабевала, пока не оборвалась окончательно.

Поначалу отдельные корабли сварогов еще садились на ее заброшенные космодромы, но это случалось все реже, а затем и вовсе постоянные военные стычки уже не позволяли ни одной из колоний тратить энергию на удовлетворение ностальгических чувств своих граждан.

Итак, сначала связь, а потом и память.

Время – самый страшный противник. Ему может противостоять лишь вечно возрождающаяся жизнь, но живые очень часто забывают о мертвых, а Пейана, родная планета сварогов, была практически мертва для них.

И они забыли ее.

Так продолжалось очень долго.

Постоянные конфликты на границах двух Империй трижды чуть было не привели к глобальной войне, которая наверняка погубила бы цивилизацию сварогов, так как обе Империи обладали мощными, но практически равными по силе вооруженными силами.

И только полное осознание сего факта удерживало до сих пор обе стороны от тотальной войны на уничтожение.

Но теперь в игру вступил новый фактор – была наконец заново «найдена» Пейана – планета-праматерь.

С самого начала своей истории свароги враждовали и, как положено настоящим гуманоидам, активно уничтожали друг дружку в стычках, конфликтах, а также малых и больших войнах. Сварог шел на сварога, село на село, город на город и страна на страну. Но потом якобы какие-то божьи посланники даровали им некий артефакт, который получил в летописях название Милосердие Бога.

Никто из современных историков сварогов не мог в точности сказать, что именно представлял из себя сей артефакт, да и существовал ли он на самом деле. Но легенда гласила, что Милосердие Бога было вначале подарено самому воинственному в то время владыке Северного континента, молодому и честолюбивому Свейну Отважному.

Как только Милосердие Бога попало к Свейну, тот сразу же отказался от расширения своих и без того обширнейших владений и вплотную занялся устройством лучшей жизни для своего народа.

Чем тут же воспользовались восточные соседи.

Не такой молодой, как Свейн, но не менее честолюбивый и воинственный правитель Восточных колоний Чарджу Толстый собрал остатки недавно разгромленного Свейном войска, наложил на своих подданных жесткую воинскую подать, призвал в армию голодных и безработных, пообещав им хлеб и золото, и в открытую напал на Свейна.

Свейн поступил неожиданно – приказал крепостям и городам не оказывать сопротивления, кормить и снабжать всем необходимым армию восставшего вассала и беспрепятственно пропускать ее к столице.

Окрыленный легким успехом, Чарджу Толстый скорым маршем прошел почти сквозь весь Запад, накладывая направо и налево контрибуции, но предусмотрительно не подвергая ограблению и разрушению «захваченные» города и села (зачем, если ему же их потом и придется восстанавливать?).

Сытое и порядком обленившееся за время похода войско Чарджу торжественно вошло в столицу Свейна, где правители и встретились за столом переговоров. На этот, в изобилии уставленный всевозможными яствами и винами, стол Свейн водрузил Милосердие Бога, и через час между бывшими врагами не осталось никаких разногласий. В течение какого-то десятка лет на всем Северном континенте наступил мир и покой. Наиболее ретивых вождей быстренько допускали к Милосердию Бога, и те, после соприкосновения с ним, становились прямо-таки другими людьми, напрочь отказываясь от своих недавних агрессивных притязаний.

По легенде, Милосердие Бога вершило над обреченным властью смертным (впрочем, и над любым другим) Страшный Суд при жизни и прощало его, хотя многие после этого кончали жизнь самоубийством, не выдерживая столкновения с полной правдой о себе самом. Те же, кто выдерживал, становились в большинстве своем мудрыми и справедливыми вождями и правителями.

Постепенно сложилась незыблемая традиция, и теперь всякий Владыка, будь он выбранный, назначенный или получивший власть по наследству, обязан был пройти через ритуал соприкосновения с Милосердием Бога.

И все бы хорошо, но обитатели Южного континента Пейаны развивались своим путем и не очень варили слухам о Милосердии Бога. Они видели одно: северяне процветают. Их амбары полны зерна, луга – тучного скота, а города – золота и драгоценностей. И у них практически нет армии! Те три-четыре десятка тысяч вооруженных сварогов, которых Северный континент держал на всякий случай, уже давно забыли, с какой стороны берутся за меч, и боеспособным войском их назвать было никак нельзя.

И вот «южане» построили громадный боевой флот, и семисоттысячное войско в один прекрасный день высадилось на пологих пляжах Северного континента.

«Южане», зная и памятуя о судьбе предыдущих завоевателей и агрессоров, применили тактику «выжженной земли».

Солдатам под страхом смертной казни были запрещены любые контакты с «северянами», кроме, разумеется, контактов боевых. В плен не брали никого. Тех, кто не спасался бегством, просто убивали – всех без разбора, включая женщин, стариков и детей. Города и поселения безжалостно грабили и сжигали, а богатую добычу грузили на корабли и отправляли домой.

И никаких переговоров.

Тут бы «северянам» и конец, но в это время Милосердие Бога самым таинственным образом исчезло, а вместе с ним исчезли и его чары.

Как водится, мгновенно нашлись вожди, возглавившие вооруженное сопротивление, и мечи северных сварогов вновь отдавали вражеской крови...

Чуть позже оказалось, что Милосердие Бога объявилось на Южном континенте, где вся история повторилась, но, так сказать, в более быстром темпе.

Рассвирепевшие от жутких потерь и обезумевшие от крови «северяне» за четыре года непрерывных боев практически уничтожили армию вторжения «южан» и сами, преследуя отступавшего противника, нанесли «дружественный визит» на Южный континент.

Теперь уже запылали города и села «южан», толпы беженцев ринулись в глубь материка, а облагороженные Милосердием Бога правители «южан» не знали, что делать, до тех пор, пока, в свою очередь, артефакт не пропал и у них. На этот раз окончательно. «Северяне» были благополучно сброшены в океан, и все вернулось на круги своя.

Куда пропало Милосердие Бога, было неизвестно. Если существование сего артефакта подтверждалось не только легендами, но и вполне достоверными свидетельствами, то его окончательное исчезновение было одной сплошной легендой.

Наиболее распространенная среди ученых Пейаны версия гласила, что некая обособленная и глубоко законспирированная группа жрецов, с самого начала считавшая Милосердие даром не Бога, но Дьявола, выкрала артефакт и спрятала его в горах. Предварительно эти жрецы, многие из которых были выдающимися алхимиками, якобы открыли и произвели некое вещество, при употреблении которого можно было успешно сопротивляться воздействию Милосердия Бога в течение нескольких часов. Но все это, повторимся, было лишь легендой, никакими фактами не подтверждалось, а многочисленные попытки энтузиастов отыскать Милосердие Бога ни к чему не привели, так что в конце концов и само существование артефакта приобрело более мифический, нежели реальный смысл.

А потом, как уже говорилось, свароги вышли в космос и...

Факт обретения прародины буквально потряс обе Космические Империи.

Каждая из них совершенно справедливо считала найденную материнскую планету своей собственностью; грандиозные здания культур обеих цивилизаций были построены на общем фундаменте культуры Пейяны, и никто теперь не смог бы отказаться от нее в пользу противника.

Мысль же пользоваться планетой сообща, разумеется, приходила в голову многим, но она означала первый и очень крупный шаг к воссоединению враждующих сторон и поэтому не пользовалась популярностью у обеих правящих династий. К тому же планета-мать оказалась населена! Пусть в небольшом количестве, но на ней до сих пор продолжали жить свароги, которые, судя по всему, давно остановились в своем развитии и не выходили в космос, но тем не менее с ними приходилось считаться. Вернее, не столько с ними, сколько с общественным мнением, которое вряд ли одобрило бы любую попытку геноцида по отношению к вновь обретенным родственникам.

Первый министр двора «северных» сварогов обедал в компании ведущих дипломатов, высших офицеров и личных секретарей.

Он был не в духе и чувствовал себя предельно утомленным.

Обед проходил в обширной зале восточного крыла Дворца Владык, который был полностью восстановлен и отреставрирован к началу переговоров. Но ни великолепное убранство обеденного зала, ни изысканность блюд и тонкость вин не в силах были развеять мрачное настроение Первого министра. Не прекращающийся ни на минуту настойчивый поиск выхода из сложившейся ситуации вконец истощил его мозг, и теперь господин министр вяло пережевывал пищу, глядя на стол перед собой глазами, в которых уже погасла надежда.

Обед проходил в полном молчании. Устали все. Это да еще многолетняя привычка к жесткой субординации создавали за столом отнюдь не дружескую атмосферу. Пожалуй, лишь военные в предчувствии надвигающейся войны были несколько возбуждены и поэтому выглядели неестественно радостными на всеобщем унылом фоне.

Резкий звон разбившейся посуды произвел эффект выстрела из старинного пулевого оружия – это старший советник Первого министра, глубоко задумавшись, выронил из пальцев бокал, и тот весело разбился о полированные каменные плиты пола. Однако, не замечая ни разбитого бокала, ни устремившихся на него со всех сторон любопытных и хмурых взглядов, он смотрел остановившимися глазами в какую-то невидимую остальным точку прямо перед собой.

– Что с вами, Карсс?! – раздосадованно прошипел первый секретарь министра. – Эй, вы меня слышите?

– Что?.. Ох, простите... я... я... мне, кажется, пришла в голову мысль...

– Ему кажется! Вы бы лучше следили за своим поведением во время...

– Мне кажется, я нашел решение нашей проблемы! – твердо и громко перебив секретаря Карсс, нерешительность которого мгновенно сменилась полной уверенностью в себе. – Только что. Господин Первый министр, разрешите изложить мою мысль?

Первый министр, выведенный из мрачного ступора звоном разбившегося бокала и шумом голосов, тяжелым взглядом посмотрел на раскрасневшегося от возбуждения старшего советника.

«А вдруг? – думал он. – В конце концов, я бы никогда не стал Первым, если бы не умел в нужный момент принять хороший совет от самого последнего члена моей команды. А здесь... Говорит (и ведь смело говорит, шельмец!), что у него есть идея. Черт возьми, у меня не то что идеи, а даже просто элементарных соображений уже нет по этому поводу».

Советник Карсс не отводил глаз, и в его взгляде Первый министр читал отчаянную решимость и молодой задор.

– Что ж, идемте в мой кабинет, – промолвил наконец Первый министр. – Если ваша идея стоящая, то о ней так или иначе узнают все по результатам, которые она принесет. Если же вы придумали глупость, то о ней; узнаю только я. – И, чуть усмехнувшись краем стариковского рта, добавил: – В конце концов, я как ваш непосредственный начальник обязан заботиться о вашей служебной репутации, верно?

Присутствующие заулыбались фальшивыми улыбками, почти в каждой из которых таилась черная зависть к советнику Карссу.

В своем кабинете Первый министр усадил Карсса в кресло для посетителей, сам устроился в своем за рабочим столом и, сцепив пальцы на объемистом животе, сказал:

– Ну-с, молодой человек, я вас внимательнейшим образом слушаю.

И советник Карсс, очень стараясь не частить и не заикаться (он отлично знал, что Первый этого не любит), принялся излагать свою мысль.

– Господин Первый министр, – начал он, – вам хорошо должно быть известно, что не так давно мы наткнулись на интереснейшую планету в четвертом секторе Галактики. Планету, населенную разумными существами. Причем обитатели ее не просто очень похожи на нас, сварогов, но практически нам идентичны. Случай, прямо скажем, уникальный в нашей практике космических исследований.

– А, вы о Бейте? Третья, кажется, в системе желтого карлика...

– Да, господин Первый министр, я именно о ней. Примечательно то, что там сейчас идет крупная война. Люди – так они себя называют – считают эту войну мировой, то есть глобальной. По их понятиям, разумеется. – Карсс позволил себе чуть снисходительно усмехнуться.

– Так, – не принял усмешки секретаря Первый министр. – Ну и что?

– Э-э... собственно, я предлагаю вспомнить и возродить забытые традиции древних «южан» и «северян». На Бейте – война, случай удобный...

– Что конкретно вы имеете в виду? – приподнял седую бровь Первый министр. – О каких традициях речь?

– В некоторых наших легендах, – заторопился Карсс, – говорится, что древние Владыки сварогов иногда, в особо затруднительных случаях, нанимали неких горцев...

– Да, – перебил Первый министр. – Припоминаю. Всегда нейтральные племена горцев. По-видимому, кстати, их отдаленные потомки и живут сейчас здесь, на Пейане. Как, впрочем, где-то здесь должно быть спрятано и Милосердие Бога... А вы как полагаете?

– Я?! – растерялся Карсс.

– Да, именно вы.

– Я полагаю, – осторожно потер подбородок Карсс, – что Милосердие Бога – это скорее всего только очень красивая легенда, хотя, конечно...

– Напрасно, напрасно, молодой человек, – добродушно пророкотал Первый министр, настроение которого по необъяснимым причинам внезапно улучшилось. – Я вот хоть и старик, но верю, что оно существовало на самом деле. Ведь то, что мы, «северные» и «южные» свароги, не всегда противостояли друг другу, – исторический факт.

– М-мда... вероятно, господин Первый министр, вы правы, – промямлил Карсс, не решившись поправить ошибку начальства в знании истории.

– Прав... – недовольно проворчал Первый. – В ваши годы, Карсс, я был более романтичен.

– Извините?

– Да нет, это я так. Продолжайте.

– Так вот, – откашлялся Карсс. – Древние Владыки нанимали отряды этих самых горцев. Каждый Владыка – свой. И они сражались между собой (я имею в виду отряды). Чей отряд

побеждал, в пользу того и решался спорный вопрос. К сожалению, я не нашел точных сведений о том, как именно Владыкам удавалось заставить или уговорить отряды сражаться друг с другом – скорее всего при помощи денег, – но я подумал: что, если эту идею предложить «южанам»? Боевые отряды людей возьмем с Бейты. Там, среди воюющих, силы примерно равны. Каждому из отрядов мы пообещаем, что в случае его победы над противником сторона, которую он представляет на Бейте, получит с нашей, разумеется, помощью решающее преимущество в их мировой войне.

– Хм-м... – Первый министр с интересом оглядел своего младшего секретаря. – А если они откажутся?

– С какой стати? Ведь они так и так враги. Ну а если и природная вражда не поможет, мы, в случае их отказа, пообещаем им смерть. Под страхом смерти, знаете ли...

– Та-ак. А что получит в случае победы каждый конкретный отряд?

– Жизнь, – пожал плечами Карсс. – Жизнь и, конечно, возвращение домой оставшихся в живых. Ну, можно еще что-нибудь пообещать... золота, например...

– Да, да... – в задумчивости покивал Первый министр. – А вы серьезно полагаете, что нам нужно будет оказать помощь в их мировой войне тем, кто победит?

– Ну что вы, господин Первый министр! Пусть сами разбираются, мне кажется. Если бы мы, конечно, хотели вмешаться в их развитие... но, по-моему, Бейта лежит пока в стороне от наших стратегических интересов, да и от интересов «южан» тоже, так что...

– Не вам, молодой человек, рассуждать о стратегических интересах Империи! – наизидательно поднял вверх палец Первый министр. – Не доросли еще, извините. Раса, столь похожая на нас, сварогов, не может быть вне сферы наших интересов, будь они стратегические или любые иные. Тут дело в другом...

– Я только...

– Помолчите! – отмахнулся Первый министр и погрузился в раздумья.

Прикрыв глаза морщинистыми веками, он откинулся в кресле и надолго замолчал. Шли минуты. В какой-то момент у Карсса мелькнула крамольная мысль, что старик задремал, но тут Первый открыл глаза, и взгляд его выразил решимость и энергию.

– Что ж, – объявил он, – мы это попробуем! И если «южане» согласятся, то ответственность за исполнение операции с нашей стороны я возложу на вас, молодой человек. Покажете, на что вы способны.

– Я готов, – тихо, но твердо ответил Карсс, облизнув пересохшие от волнения губы.

ГЛАВА 3

Пулеметчик второго отделения разведвзвода первого батальона 121-го пехотного полка 48-й стрелковой дивизии Рудольф Майер очнулся и некоторое время безучастно разглядывал ровный серый потолок над своей головой.

«Потолок, – подумал он отрешенно. – Постой, почему потолок? Я в госпитале?»

Он прислушался к своему телу. Никакой боли. Правда, ощущался легкий голод, но это, конечно, могло и подождать. Шевелиться, однако, было почему-то страшно.

«Погоди, – сказал он себе. – Погоди, Руди, не торопись. Хороший разведчик всегда должен знать, когда нужно спешить, а когда можно и спокойно обдумать создавшееся положение. Сдается мне, что это именно тот случай, когда время терпит. Итак, что ты помнишь последнее?»...

Он закрыл глаза и стал вспоминать.

Ночь. Теплая летняя ночь и крупные звезды в небе, с которыми ненадолго пытаются поспорить сигнальные ракеты над передним краем. Полной тишины, конечно, нет. Вот где-то застучал пулемет, в ответ твкнула сорокапятимиллиметровая пушка, затрещали автоматы... все стихло... ухнул филин, и снова одинокий винтовочный выстрел обозначил место и время: Россия, лето сорок третьего, война.

Их взвод гуськом бесшумно движется опушкой редкого леса по направлению к холму с полуразрушенной церквушкой и уцелевшей колокольней – отличное место для устройства пункта корректировки артиллерийского огня, если, конечно, русские их не опередили. Тяжелый «МГ-42» привычно давит на плечо, тело послушно движется сквозь опасную ночь, нервы напряжены, и душу постепенно охватывает знакомое опустошающе-сладкое чувство предстоящего боя, так что руки начинают слегка дрожать, а ноги слабеют. Сейчас это пройдет. Адреналин, впрыснутый в кровь, усвоится, и энергии хватит и на бой, и на долгое ожидание в засаде, и на победу, и, конечно же, на смерть... Вот и холм, и колокольня на нем, похожая на готовую к старту гигантскую ракету... Взвод рассыпался в цепь, и солдаты быстро и бесшумно преодолели подъем. Что было дальше? Да. Двух человек они оставили у колокольни, а сами вошли в деревню. Вернее, в то, что от нее осталось после недавних артобстрелов и бомбежек. «Гляди, сынок, что делает шрапнель», – совершенно непонятно откуда у него в голове возникла эта строчка из совершенно незнакомого (или забытого? или ненаписанного?) стихотворения, если, конечно, это были стихи. Во всяком случае, она, эта строчка, неотступно вертелась в мозгу, пока он, стараясь не хрустеть разным мусором под сапогами, осторожно шел к перекрестку, окруженный своими товарищами, такими же настороженными и готовыми открыть огонь в любую минуту, как и он. Мимо безобразных и почерневших остатков сожженных изб, казавшихся чернее самой ночи... Да, помнится, они дошли до перекрестка, но вот что было потом... Русские! Ну конечно! Русские вынырнули из-за угла почти целого двухэтажного кирпичного здания со своими «ППШ» наперевес – десяток ловких парней с характерными «кошачьими» движениями опытных разведчиков. Помнится, мелькнула мысль о встречном бое, и на душе сразу стало нехорошо, – он терпеть не мог встречного боя за его полную неразбериху и непредсказуемость. Но ведь боя-то как раз и не было! Или был? Нет, точно, не было. А почему? Он отчетливо помнил изумленное скуластое лицо русского автоматчика, который, казалось, вырос прямо перед ним в каком-то десятке метров, не больше... Стоп. Как он смог разглядеть его лицо, если было совершенно темно? Саму фигуру еще куда ни шло, но лицо... Свет! Да! Какой-то нереальный ослепительный зеленоватый свет, бьющий прямо с неба и не дающий тени. А потом... Он выхватил из кобуры «вальтер», но выстрелить почему-то не смог. Что-то помешало, и русский тоже не стрелял... Но что? Почему? Нет, дальше он ничего не помнил.

Ну ладно.

Рудольф Майер снова открыл глаза и попытался сесть. Попытка удалась. Оглядел себя: одет, сапоги на ногах, только куда-то исчезли оружие и боеприпасы, а также каска. Голова слегка кружилась, но пулеметчик, совершив над собой усилие, поднялся на ноги и осмотрелся.

Он находился в большой комнате без окон. На полу, поражая взгляд разнообразием поз, валялся в полной отключке родимый взвод.

Тряся головой, Руди машинально нащупал на ремне заветную флягу с отличнейшей русской трофейной водкой и, дрожащими пальцами отвинтив крышку, торопливо сделал изрядный глоток.

В желудке мгновенно потеплело, а в голове прояснилось.

– Боже милосердный! – вслух сказал он. – Неужели мы в плену?!

Он огляделся повнимательней, примечая то, на что не обратил внимания сразу. Во-первых, свет. В стенах и потолке отсутствовали не только окна и любые иные отверстия, сквозь которые могло бы освещаться помещение, но и какие бы то ни было источники искусственного света. То есть Руди не заметил ни ламп, ни светильников, ни вообще хоть чего-нибудь отдаленно их напоминающего. Тем не менее комната была освещена, и освещена хорошо. Казалось, свет проникает сквозь стены и потолок, и, несмотря на это, и стены, и потолок казались сделанными из очень плотного и твердого материала, равномерно окрашенного в серый цвет. Вначале Руди подумал, что это металл, но, присев на корточки и ковырнув поверхность пола ногтем большого пальца, отказался от этой мысли. На металл это было не похоже – совершенно другое ощущение, ноготь бессильно скользнул по гладкой и какой-то теплой поверхности... Нет. не мет...лл. Пластмасса? Похоже... Но это ж кому в голову могло прийти сделать дом из пластмассы?! Руди недоуменно пожал плечами и, перешагивая через тела товарищей, направился к темневшему на противоположной стене прямоугольнику двери. Внимательнейшим образом осмотрев предполагаемую дверь (тот же материал, только слегка утопленная в стену поверхность прямоугольника окрашена в более темный серый цвет) и не обнаружив ничего похожего на ручку или замок, Руди осторожно толкнул ее ладонью.

Ничего.

Может, она открывается вбок?

Он попробовал сдвинуть дверь влево... потом вправо... Не вышло. Дверь оставалась совершенно неподвижной.

Ч-черт!

Разозлившись, пулеметчик с размаха пнул дверь кованым сапогом.

Бесполезно. Даже звук от удара показался ему каким-то совсем уж приглушенным, а дверь не сдвинулась ни на миллиметр.

Кто-то застонал за спиной.

Майер обернулся и увидел своего командира взвода. Обер-лейтенант Хельмут Дитц сидел, обхватив голову руками. Рядом с ним заворочался ефрейтор Карл Хейниц, а чуть дальше приподнялась над полом ярко-рыжая шевелюра рядового Курта Шнайдера.

Разведчики начали приходить в себя.

Лейтенанту Велге снился яркий и удивительный сон.

В этом сне война давно закончилась. Она закончилась так давно, что было совершенно неважно, кто по-бедил. Вернее, не так. Это было важно для него лично, но он знал, что это уже несущественно для всего остального мира. А ближайший окружающий его мир в этом сне состоял из дощатой тенистой веранды, выходящей прямо в чудесной красоты слегка запущенный летний сад. На веранде стоял обширный овальный стол, застеленный белоснежной льняной скатертью, и он, лейтенант Александр Велга, сидел за этим столом в тренировочных штанах, майке и тапочках на босу ногу. Справа от него на столе возвышался большой, до блеска начищенный самовар, слева – объемистая хрустальная ваза с вишневым вареньем,

прямо перед ним дымились горячим ароматным чаем белая чашка на блюде, а напротив... Что за нелепица! Напротив сидел, развалясь, на таком же венском стуле, как и у него, какой-то долговязый белобрысый немец в ненавистном серо-зеленом мундире с погонями обер-лейтенанта. Мундир был изрядно подран во многих местах. Лицо немца постоянно и неуловимо менялось, и Велга все никак не мог отчетливо разглядеть его черты. Немец что-то говорил, помахивая левой рукой (в правой он держал чашку с чаем), что-то вроде бы доказывал, и он, Сашка Велга (вот бред-то!), внимательнейшим образом слушал этого немчуру и даже время от времени согласно кивал головой. Свежеструганым деревом пахли доски веранды, благоухали в саду цветы и травы, покой разливался по телу...

Какого дьявола! Это же враг!

Где-то в комнате должен быть его «ТТ»... Сашка делает усилие... вскакивает... Венский стул бесшумно и медленно падает на пол...

– Товарищ лейтенант! Очнитесь, товарищ лейтенант!

Кто-то кричит над ухом, трясет за плечи, брызгает в лицо водой... А, черти, опять не дают поспать!

Лейтенант Александр Велга открыл глаза.

Прямо над ним склонилось чуть скуластое и очень встревоженное лицо сержанта Сергея Вешняка.

– Товарищ лейтенант... Слава богу, пришли в себя!

– Ты чего орешь? – Велга отстранил сержанта, рывком сел и потряс головой. – Что... что случилось?

– Н-не знаю, товарищ лейтенант. Только... только похоже, что мы в плену.

– Что?

Сон мгновенно слетел с лейтенанта, он вскочил на ноги и огляделся.

Та-ак. Закрытое помещение. Без окон. Без видимых источников света, что странно, учитывая хорошую освещенность. Что-то похожее на дверь в противоположной стене. А взвод... Весь взвод валяется на полу в полном составе, и, судя по всему, ребята то ли спят, то ли без сознания. Во всяком случае, все живы, это точно (уж что-что, а мертвеца от живого человека он на фронте отличать научился!). Оружие! Где оружие и боеприпасы?!

– Где наше оружие? – спросил он Вешняка и тут же мысленно выругал себя за дурацкий вопрос. Сержант молча развел руками.

– Дверь открыть пробовал? – кивнул на противоположную стену Александр.

– Так точно. Не открывается, товарищ лейтенант. Ни туда, ни сюда.

– Ладно. – Велга на секунду задумался, обводя взглядом лежащих на полу разведчиков. – Давай-ка, Сережа, попробуем бойцов в чувство привести.

Через полчаса взвод кое-как очнулся, собрался с мыслями и был относительно готов слушать своего командира.

– Так, товарищи бойцы, – начал Александр Велга, окинув хмурым взглядом своих солдат, – докладывайте, кто что помнит. Если это плен, то как мы в нем оказались? Лично я пока ни черта не могу понять. Давай ты, Вешняк. У тебя память цепкая, и очнулся ты первым. Да сиди, сиди... чего уж там.

Сержант Сергей Вешняк, ладный, крепко сбитый боец родом из Рязани, взъерошил пятерней густые русые волосы.

– Бог его знает, товарищ лейтенант, – неуверенно сказал он. – Очнулся я первым, это верно... но я сразу стал вас в чувство приводить и не задумывался как-то... Сейчас... погидите... Да! Помню, что на немцев мы напоролись в деревне, на перекрестке, аккуратно возле школы... Я сразу залег, но огонь открыть не успел – как сковало всего. Ни рукой, ни ногой шевельнуть не могу... Да, свет, по-моему, был какой-то очень яркий с неба. Зеленоватый такой, что ли... А потом уж ничего не помню. Пришел в себя здесь уже.

– Точно! – весело подтвердил рядовой Валерка Стихарь, никогда не унывающий ростовчанин. – Был свет. Как будто с десяток зенитных прожекторов с неба ударил. С зелеными фильмами. Меня этот свет прямо как к месту пригвоздил. Вижу фрица: каска на бровях, запасные магазины и гранаты на ремне. «МП-39» его мне прямо в живот нацелен, и рожа, прошу заметить, оскалена до невозможности. Ужас! Врешь, думаю, я раньше успею! И ведь что смешно: вижу, думаю, а на курок нажать – нет, не могу! И немец тоже не может. Замер на месте и глаза выпучил. Черт его знает, что за хреновина такая! Как будто клеим меня с ног до головы облили, и клей этот уже крепко схватился. А потом... в глазах померкло и – все, ничего больше не помню. Только вот мне кажется, что не мы на немцев, а немцы, наоборот, на нас напоролись.

– Да иди ты! – прогудел громадный, под два метра ростом боец Михаил Малышев, родом из-под Хабаровска, чью медвежью силу и веское слово во взводе очень уважали. – Немцы на нас... Мы на них – верно сержант говорит. Мы из-за угла школы выскочили, а немцы – вот они. С автоматами на изготовку. А про свет – правильно. И как сковало всего – тоже. Я чуть жилы не порвал, а сделать ничего не смог. Одними глазами только и двигал. И вот что я скажу, товарищ лейтенант. Не знаю, кто когда сознание из нас потерял и что успел увидеть, а я перед тем; как затмение нашло, точно видел очень странное дело. Хотя, может, почудилось... не знаю. Рассказывать?

– Рассказывай, – потребовал Велга.

– Так... это... значит, после того, как свет с неба ударил и всех как сковало, прошло, наверное, секунд тридцать-сорок, не больше, а потом... потом я видел, как двое немцев на небо вознеслись.

– Что-что? – изумленно вытаращился на бойца Велга. – Это в каком же смысле, рядовой Малышев?

– Да уж не знаю, в каком таком смысле, товарищ лейтенант, а только видел я своими глазами, как в лучах этого самого света двое немцев поднялись над землей и куда-то вверх... улетели. – Михаил ткнул пальцем в потолок. – Как утащило их что-то. Вроде как на веревках. Да только веревок-то никаких не было. Я бы заметил.

– Ну! – нетерпеливо стукнул кулаком по ладони Стихарь. – А дальше-то что?

– Дальше не помню, – шумно вздохнул гигант-дальневосточник. – Сознание помутилось.

– Дела-а, – протянул кто-то.

– Так и было, товарищ лейтенант, – подал голос украинец Петр Онищенко. – Я також памятаю, шо було свитло. Яркое такое. И ворохнутися потім не було можливости.

– Верно!

– Правильно!

– Со мной тоже так было...

Солдаты зашумели. Каждому захотелось рассказать, как именно с ним было.

– Тихо! – повысил голос лейтенант. – Все ясно. Точнее, ничего не ясно. Я помню то же самое: ночь, немцы на перекрестке, свет, а дальше... М-мда. Может, у кого есть какие-нибудь предположения относительно происшедшего с нами? – Велга оглядел притихших солдат. – Так. Вижу, что предположений пока нет...

– Не знаю, как насчет предположений, товарищ лейтенант, – сказал сидевший на корточках у стены Валерка Стихарь и выразительно постучал согнутым пальцем об пол, – а только вот это, на чем мы сидим, сделано не из металла и не из дерева. Опять же, это не бетон, не кирпич и не камень. Похоже на пластмассу, но помещение целиком из пластмассы... – он пожал худыми плечами. – Странно, короче, это все. А поэтому разрешите, товарищ лейтенант, закурить, а? Все веселее станет, и мысли, глядишь, полезные в голове появятся, а то...

– Смотрите!!! – вдруг оглушительно проревел Михаил Малышев, вскакивая на ноги и тыча громадной своей ручищей в стену.

Велга, мгновенно присев, по-волчьи, всем корпусом, повернулся в том направлении...

Стена исчезла, растаяла, как не было, и оттуда, из такого же помещения, на них изумленно таращились немцы. В слишком хорошо знакомых серо-зеленых мундирах, добротных сапогах (33 гвоздя в подошве, мать их!), без касок. Человек двадцать. Взвод.

ГЛАВА 4

Старший советник Первого министра Карсс остановился посреди зала и оглядел гвардейцев сопровождения.

Гвардейцы впечатляли.

Высокие и массивные, в неуловимо меняющих цвет маскировочных комбинезонах, шарообразных защитных шлемах, до колена обливающих ноги специальных десантных ботинках, с тяжелыми П-излучателями на груди, они молча застыли по бокам старшего советника, готовые выполнить любой приказ.

И тем не менее Карсс волновался.

Еще бы.

Та власть и та ответственность, которые буквально обрушились на него за последний месяц, могли бы сломить кого угодно. Да, господа, кого угодно, но только не его. В конце концов, он ведь мечтал именно об этом, верно? Именно о таком большом и трудном деле, сулящем – разумеется! – соответствующую награду, выполнить которое сможет только он и больше никто, И вот! оно, это дело, наполовину сделано. Отряды людей найдены, захвачены и доставлены на Пейану!

Он припомнил бессонные дни и ночи, до отказа наполненные сумасшедшей, требующей всех душевных и физических сил работой, дни и ночи, которые он провел в корабле-разведчике, кружащем на низкой орбите вокруг Бейты, и слегка улыбнулся. Все-таки, что ни говори, а ему определенно уже есть чем гордиться. Ведь это именно он выбрал нужный участок на всем огромной длины фронте и установил за ним постоянное наблюдение. Это именно он предугадал, что враждующие стороны пошлют свои малые подразделения для того, чтобы перед началом великой битвы (разумеется, он знал о ней из перехвата телефонных разговоров людских военачальников) захватить нейтральную высоту с уцелевшей (он постарался, чтобы она уцелела!) башней местного храма. Конечно, ему еще и везло. Не без этого. Например, количество бойцов в отрядах оказалось совершенно одинаковым – по девятнадцать человек в каждом! Это было удивительно, но это было так. И потом, это оказались специальные отряды специально обученных для разведки и боя в тылу противника солдат. Причем отряды опытные, побывавшие во всяких переделках и практически одинаковые по качеству оружия и снаряжения. Даже «южане», похоже, остались вполне довольны, тем более что Первый министр со всем наивозможным уважением предоставил им право выбора своего отряда. Да, все получилось очень удачно. И сама операция по захвату прошла быстро, успешно и без потерь. Она даже, прямо скажем, оказалась несравненно более легкой, чем та подготовительная работа, которая ей предшествовала.

Теперь оставалось самое сложное.

Необходимо было убедить или заставить отряды людей сражаться друг с другом, и Карсс не знал, получится ли у него это. Одно дело воздействовать (да еще и обладая немалой властью!) на своих, и совсем другое – на представителей иного разума, пусть и очень похожих на них, сварогов. А ну как откажутся даже под угрозой смерти? Неужели придется начинать все сначала, искать новых людей... Нет... ему вряд ли позволят это сделать. Скорее всего сочтут проект окончательно провалившимся и будут искать иное решение проблемы. А он... Что ж, на карьере, видимо, придется в этом случае поставить крест.

Да. Причины волноваться у старшего советника Карсса были. И причины эти ни один серьезный человек немаловажными не назвал бы.

Однако следовало решиться. В конце концов, он долго репетировал приготовленную речь, проверял и перепроверял аргументы и, кажется, проанализировал любую мыслимую

ситуацию, которая могла бы возникнуть в процессе разговора с людьми. В общем, надо начинать, ведь, не разбив яйца, яичницу не приготовишь...

Карсс в который раз нервно ощупал плоскую коробочку интеркома на груди и с отчаянной решимостью махнул рукой:

– Давай!

Прямо перед ним по стене побежали, переходя одна в другую, разноцветные тени, и через секунду стена стала абсолютно прозрачной.

За стеной, в двух одинаковых помещениях, сидели и стояли люди, доставленные сюда, на Пейану, для того, чтобы воплотить сто идею в жизнь.

– Внимание! – подняв руку, громко сказал старший советник, и головы солдат как по команде повернулись к нему.

Карсс знал, что каждое его слово будет услышано и понято людьми – невидимые динамики, настроенные на волну интеркома, прогремели сейчас – один на русском, другой на немецком языке – с потолков.

– Внимание! – повторил он. – Меня зовут Карсс. (Он старался говорить медленно и отчетливо.) Я объясню, что с вами произошло, и, по возможности, отвечу на ваши вопросы, если таковые возникнут. Прежде всего вам необходимо осознать тот факт, что вы находитесь не у себя на Земле, а совсем на другой планете. На планете, которая так же населена разумными существами, как и ваша. Существа эти называются сварогами. Я – сварог. А планета наша называется Пейана. Мы ушли гораздо дальше вас по пути технического прогресса, научились путешествовать в космосе, достигли иных миров, так что доставить вас сюда так, что вы практически этого не заметили, не составило особого труда. Вы были просто определенным образом усыплены и в бессознательном состоянии погружены на наш космический корабль. То есть совесть ваша может быть чиста – вы ничего не смогли бы сделать. Я понимаю, что для разумных существ, незнакомых с космическими полетами, все это звучит дико и кажется невероятным, но уверяю вас, что все сказанное мной чистейшая правда. В конце концов, вы знаете о существовании других звезд и планет, так что представить себе разумную жизнь на одной из них, думаю, не очень сложно.

Теперь о главном. Мы давно следим за вашей планетой и знаем, что в наиболее цивилизованной ее части сейчас идет глобальная и жестокая война и вы – представители враждующих сторон. Мы, свароги, тоже разделены, к величайшему нашему сожалению, и между нами тоже вот-вот может начаться война. Буду с вами откровенен. Если эта война начнется, то в ней вряд ли окажутся победители и побежденные. Силы равны, и, обладая фантастической, по вашим понятиям, военной мощью, мы скорее всего просто уничтожим друг друга. Для того чтобы этого не произошло, нашими правительствами было принято следующее решение. – Карсс сделал паузу, разглядывая напряженные лица и фигуры людей за прозрачной преградой. «Как все-таки они на нас похожи...» – подумал он мельком и продолжил: – Вместо нас воевать друг с другом будете вы, тем более что вы все равно находитесь в состоянии войны и являетесь врагами. Та ваша страна, отряд которой победит, получит от нас мощную военную поддержку там, на Земле. Поддержку такого рода, что сможет легко и без особых потерь выиграть войну. То есть вы будете сражаться не только за себя, но и за ваших товарищей, ваших родных и близких, которые остались на Земле. Победившие и проигравшие здесь, на Пейане, не получают ничего, кроме жизни и гарантии возвращения на Землю. Возвращены будут и оставшиеся в живых, и погибшие в бою. Впрочем, последние – по вашему желанию. Мы можем похоронить погибших и здесь. Вопросы?

Земляне настороженно молчали, пристально разглядывая старшего советника и гвардейцев сопровождения, и под этими взглядами Карссу стало как-то неудобно.

– Сплю я, что ли? – внятно прервал молчание Малышев и, обращаясь к Стихарю, добавил: – Ну-ка, Валера, ущипни меня покрепче...

Валера охотно выполнил просьбу.

– Ой! – неожиданно тонким голосом пискнул ги-гант.

Кто-то из немцев засмеялся.

– Чем нам воевать? – пришел в себя Велга. – У нас отобрали оружие и боеприпасы!

– Оружие вам будет возвращено, – с видимым облегчением заверил Карсс. – Все ваше оружие, боеприпасы, снаряжение и НЗ.

– Странно... – заметил коренастый широкоплечий немец с прямыми черными волосами. – Я только сейчас заметил, что они действительно отобрали у нас и НЗ. Но почему тогда моя фляга с водкой при мне?

– Водка – не продукты, – наставительно сказал стоящий с ним рядом рыжеволосый веснушчатый сол-дат. – Они, наверное, подумали, что это часть твоего тела.

Теперь рассмеялся Валерка Стихарь.

– Отставить, – коротко приказал Велга. Валерка умолк.

Странно, но они прекрасно понимали все, что говорят немцы, и наоборот.

– Нашли гладиаторов... – пробурчал Малышев. – Ох, не нравится мне это...

– Л если мы откажемся?! – крикнул черноволосый немец.

– В этом случае вы будете умерщвлены, – спокойно пояснил Карсс.

Это неприятное и какое-то безразличное слово – «умерщвлены»... оно... в нем была холодная неотвратимость, и как-то сразу стало ясно, что все они попали в очень скверную ситуацию.

– Другими словами, вы нас убьете?! – крикнул тот же черноволосый немец.

– Да, можно сказать и так.

– Где нам воевать, на какой местности? – неожиданно спросил высокий белобрысый немец с погонами обер-лейтенанта.

– В горах. Точнее, в предгорьях.

– Когда?

– Сегодня. Вас покормят, вернее, вы сами поедите из ваших запасов, получите оружие и будете доставлены на место. Каждый... взвод (так, кажется, называются ваши подразделения?) будет высажен в своем определенном месте. Ваша задача состоит в том, чтобы как можно скорее обнаружить друг друга и вступить в бой.

– Легко сказать «обнаружить», – заметил «обер». – На каком расстоянии друг от друга мы будем находиться?

– На достаточном для того, чтобы поиски не затянулись.

– А как вы определите побежденного? – опомнился Велга.

– Тот взвод, который полностью погибнет или солдаты которого сдадутся, чтобы не быть убитыми, будет считаться побежденным. Ничьей быть не может.

– Сколько у нас времени?

– Да сколько угодно! – рассмеялся Карсс. Он уже понял, что люди будут драться. – Время не ограничено. Ограничены ваши силы. Поэтому я думаю, что чем раньше вы закончите, тем лучше будет для вас и для нас.

– Как насчет жратвы, если боевые действия затянутся? – поинтересовался рыжий.

– Я же сказал, что силы ваши ограничены. Будете обходиться своим НЗ. В горах есть ручьи, так что проблем с водой возникнуть не должно.

– А раненые?

– Это ваша забота. Сами будете решать, что с ними делать. Мы их лечить не будем, но на Землю вернем.

– Не кажется ли вам, – с какой-то невообразимо тягучей надменностью в голосе произнес, сделав шаг вперед, высокий обер-лейтенант, – что для высокоразвитой цивилизации вы поступаете несколько э-э... негуманно по отношению к нам?

– Кажется, – охотно и даже как-то весело согласился Карсс. – Но скажите, отчего мы должны быть гуманнее, допустим, вас? Я, знаете ли, посмотрелся на вашу войну... Давайте не будем вдаваться в философию. Сила на нашей стороне.

– Насколько я понимаю, – мрачно констатировал немецкий «обер», – выбора у нас нет.

– Вы правильно понимаете. Выбора нет не только у вас, но и у нас. Вы должны сражаться друг с другом, чтобы завоевать себе жизнь, свободу и, разумеется, победу.

– Сражаться, говорите... – протянул Валерка Стихарь и, одним скользящим движением очутившись рядом с Велгой, зашептал тому на ухо:

– Слушайте, товарищ лейтенант, а откуда нам знать, что это не жуткая провокация? Может, нас проверяет НКВД, а? А что? Мы все-таки разведчики как-никак, и разведчики не самые плохие... Может, нам хотят поручить какое-нибудь очень важное задание и перед ним, натурально, проверяют. Вы уж мне поверьте, я эти штучки за версту чую. Помнится, однажды в Ростове... хотя это потом Короче, проверяют они нашу реакцию на бредовые обстоятельства, ну, как мы вести себя будем и вообще... Приказали пленным немцам сыграть роль боевого взвода, а усыпили нас наши же, и вообще – все подстроено специально. Товарищ лейтенант, надо проверить, чего он, в натуре, нас на понт берет! Где доказательства? Разрешите я с ним сам поговорю, а?

Александр задумался. В словах шустрого Стихаря был смысл. Действительно, от родимого НКВД можно было ожидать любой пакости...

– Хорошо, – он чуть кивнул головой. – Давай.

Во время всего этого тихого разговора немцы напряженно прислушивались, вытягивая шеи в сторону невидимого динамика, но видно было, что им ничего не удастся разобрать. Заволновался и Карсс. Того, что люди будут говорить тихим шепотом, он не учел и теперь тоже не улавливал, о чем идет речь между зеленоглазым и темноволосым командиром одного из отрядов и невысоким, ловким, похожим на подростка бойцом.

– Эй, вы! – повернулся к старшему советнику Валерка. – Как вас там... Карсс! Короче, мы тут посовещались и решили, что все это туфта, что вы нам тут гоните. Где доказательства? Что, напаяли, с понтом, чудной клифт, натянули тесные сапожки и думаете, что мы так вот сразу вам и поверим? Нет, так не покатит. Доказательства давай!

Карсс помедлил.

– Каких вы ждете доказательств? – спросил он чуть растерянно.

– Да каких угодно! Главное, чтобы мы поверили. А то «другая планета», «другая планета»... Да почему мне знать, что это правда? Воздух такой же, немцы – те же, вы тоже хоть и сволочь порядочная, но на человека внешне похожи...

– Правильно!!! – заорал все тот же черноволосый немец, поддерживая Валерку. – Доказательства давай, твою мать!

Оба взвода зашумели. Застучали об пол солдатские сапоги, послышались крики: «Правильно!», «Так его, в бога душу!», «Дашь!», воздух прорезал чей-то лихой двухпалый свист...

– Хорошо! – торопливо воскликнул Карсс и успокаивающе поднял руку. – Сейчас вам будут представлены доказательства.

Пытаясь удержать ситуацию под контролем, старший советник понятия не имел о том, какие именно доказательства он сможет представить землянам, и теперь его мысли металась в черепной коробке, как ночные бабочки, влетевшие в ярко освещенную кухню сквозь открытое по случаю духоты окно.

«Доказательства... доказательства... доказательства... Думай, старший советник! Думай быстрее, если не хочешь... Да! Они же солдаты».

– Итак, – он обвел уверенным взглядом людей. – Сейчас вас будет продемонстрировано наше личное оружие. Вот это, – Карсс указал на тяжелый П-излучатель, висящий на груди ближайшего к нему гвардейца сопровождения. – Обратите внимание на его форму. Вы все

солдаты и – я уверен – прекрасно разбираетесь в том оружии, которое существует у вас на Земле. Видели вы когда-нибудь хоть что-то подобное? – И, обращаясь к гвардейцу, приказал: – Подойди к ним поближе и покажи. Пусть хорошенько рассмотрят.

Гвардеец перекинул ремень П-излучателя через голову и сделал пять шагов вперед.

Некоторое время земляне с профессиональным интересом разглядывали незнакомое и крайне необычное на вид оружие. Наконец немецкий «обер» процедил:

– Это вполне может оказаться муляжом, игрушкой. Как оно действует?

– Продемонстрируй им, – стискивая тубы, скомандовал Карсс гвардейцу.

Гвардеец недоуменно обернулся:

– Как, господин старший советник, здесь?

– Используй в качестве мишени свой шлем, а излучатель поставь на малую мощность.

Шагов с тридцати. Попадешь? Шлем тебе выдадут новый. Я распоряжусь.

Гвардеец презрительно хмыкнул, сделал пальцами неуловимое движение под подбородком и снял свой шарообразный защитный шлем. Под шлемом обнаружилась продолговатая коротко стриженная голова со смешно оттопыренными большими ушами. Валерка Стихарь открыл было рот, чтобы вслух оценить эти приспособления для улавливания звуковых волн, но гвардеец, как бы почувствовав его намерение, резко обернулся и в упор так глянул на Валерку пустыми водянистыми глазами, что тому шутить сразу расхотелось, а, наоборот, захотелось ощутить в руках старую добрую трехлинейную винтовку с полной обоймой бронебойных патронов, а еще лучше – «дегтяря», опять же с полным диском...

Тем временем гвардеец отвернулся и не торопясь направился к дальней глухой стене зала, где аккуратно положил шлем на пол и вернулся назад. Встав так, чтобы было видно всем, он ловко вскинул свое оружие к плечу и нажал на спуск.

Из ствола вылетела короткая молния, и в то же мгновение с каким-то сухим треском шлем исчез в слепящей вспышке света.

– Подумаешь, – нахально заявил Валерка Стихарь. – Может, вы заранее шлем какой-нибудь химической дрянью напичкали...

– Хватит! – властным голосом перебил Карсс. – Я уже жалею, что пошел вам навстречу. Вас доставят на место в наших летающих машинах, вид которых и способ передвижения не оставят у вас никаких сомнений в реальности и правдивости происходящего. А теперь вам дается пятнадцать минут на то, чтобы вы пришли в себя, после чего вам будет выдан ваш НЗ. Полчаса на еду и – вперед. Оружие и снаряжение получите по прибытии на место. – Он хлопнул в ладоши, и стены опять утратили прозрачность, отделив взводы друг от друга и от старшего советника Карсса.

– Аминь, – пробормотал Велга и повернулся к своему взводу. – Какие будут мнения, парни?

– Какие тут могут быть мнения... – шумно вздохнул гигант Малышев. – Драться надо, вот и все мое мнение.

– Чудно это все как-то, – почесал в стриженном затылке Вешняк. – Другая планета, люди со звезд... прямо как в сказке.

– Сказка, она обычно хорошо кончается, – сплюнул на чистый пол Валерка Стихарь, – а это, похоже, сказочка та еще... Ох, объединиться бы с немчурой ради такого случая да врезать этим гадам так, чтобы перья полетели! Не знаю, кто как, а я в «шестерках» век не ходил, и сейчас воевать ради их милости у меня охоты нет.

– Ты же слышал, что они обещают помощь той стороне, которая победит, – сказал с тайной надеждой в голосе Олег Матвеев, самый тихий и незаметный солдат во взводе. – Значит, не только за себя воевать будем. И потом... оружие у них... Не чета нашим автоматам... да и немецким тоже.

– А с чего это я должен им верить? – повернулся к Матвееву Стихарь, уперев кулаки в бока. Перед худым и длинным Матвеевым он смотрелся как петух перед цаплей. – Откуда мне знать, что у них на уме?! Может, они нас потом, тех, кто останется, перестреляют, чтобы не возиться! А оружие, Олежек, и отнять можно – это я тебе как разведчик разведчику конфиденциально сообщаю.

– Мне вот интересно, – прогудел Малышев, – зачем им все-таки надо, чтобы мы тут у них воевали? Неужто сами разобраться не могут? Как-то неправильно это, что ли...

– Да ставят они на нас, мать их!.. – зло выкрикнул Валерка. – Кто-то из них на нас, а кто-то на немцев. Пари заключили, суки... – он длинно и витиевато выругался.

– Ладно, – хлопнул кулаком по открытой ладони Велга. – Обмен мнениями закончен. Подвожу итог. Вяжемся в драку, а там видно будет. Нам бы только оружие обратно получить... Насчет объединения с немцами – полная глупость и чепуха. И думать не смейте. Если забыли, то могу напомнить, что они для нас – лютые враги. А врагов убивают. И мы их будем убивать так же беспощадно, как и раньше. А вам, рядовой Стихарь, я чуть позже объясню вашу ошибку – И Александр незаметно подмигнул ростовчанину.

ГЛАВА 5

Бой длился уже около часа.

Противники вступили в огневое соприкосновение через четыре с половиной часа после того, как были доставлены в эти пологие, порыжевшие от солнца и времени холмы.

Стараясь занять более выгодную позицию, оба взвода продвигались все выше в горы, пока наконец не встретились лоб в лоб в неглубокой долине, по дну которой шустро журчала мелкая и узкая речка.

Когда-то здесь, видимо, было довольно крупное поселение сварогов, и сейчас разбросанные по пологим склонам долины и речным берегам остатки каменных стен и фундаментов послужили прекрасным укрытием для солдат, так что к исходу первого часа боя стороны потеряли по два человека убитыми, а тяжело раненных не было вовсе.

В общем-то серьезным боем то, что происходило в этой безымянной долине среди древних и пыльных развалин, было назвать трудно.

Обе стороны явно не хотели лезть на рожон, берегли патроны и никак не могли разозлиться для настоящего дела.

Положение оставалось патовым еще и потому, что русские и немцы спустились в долину с двух сторон и теперь находились на противоположных берегах пусть и мелководной, но все же речки. То есть тот, кто рискнул бы атаковать первым, неминуемо должен был эту речку форсировать, подставляя тем самым себя под огонь сидящего в укрытиях противника. А так как и те, и другие стреляли совсем неплохо (за прошедший час они успели в этом убедиться), то все прекрасно понимали, что прямая схватка – самоубийство.

Мысль об обходном маневре пришла в голову практически одновременно Александру Велге и Хельмуту Дитцу, когда в тылы русских и немцев с двух сторон из-за гребней холмов ударил новый враг.

– Русские сзади! – долетел до Майера чей-то надтреснутый крик, и пулеметчик не узнал голоса кричавшего.

– Погляди, что там, – сквозь зубы бросил Руди Оскару Руммениге, не отрывая щеки от лоснящегося приклада своего «МГ-42». Ему не хотелось менять удобную позицию, с которой просматривался участок реки шириной как минимум в пятьдесят-шестьдесят метров и значительная часть противоположного склона долины с разбросанными там и сям развалинами. Майер уже засек русского пулеметчика, но пока не стрелял, ожидая, что тот сделает ход первым.

Светловолосый и тонкокожий, похожий на молоденькую девушку Оскар метнулся к полуобвалившейся стене позади них и осторожно высунул голову над краем.

Он сразу же увидел появляющиеся на гребне склона и отчетливо различимые на светлом фоне неба фигурки вооруженных и странно одетых людей (Оскару показалось вначале, что они одеты в нечто напоминающее женское платье, но чуть позже он вспомнил полузабытое слово «туника»). Десятка два этих непонятно откуда взявшихся людей, стреляя на ходу из оружия, очень напоминающего винтовки, уже спускались по склону, атакуя взвод с тыла, а новые фигурки, как чертики из коробки, все выскакивали и выскакивали на гребень холма. Раздумывать над тем, кто это и откуда, было некогда. Оскар видел, что кое-кто из взвода уже заметил опасность и повернул свои «МП-39» на сто восемьдесят градусов. Короткие сухие очереди срезали первые ряды атакующих, но было ясно, что тех слишком много.

– Кто-то атакует нас с тыла! – крикнул Оскар Майеру. – Но это не русские! Одеты по-другому, их гораздо больше, и у них винтовки, а не автоматы!

– Русских тоже атакуют! – прокричал в ответ Майер. – Я их вижу! Господи, только второго фронта нам и не хватало!

– Их слишком много, Руди! – взволнованно заорал Руммениге и открыл скупой огонь из своего «машине-пистоле».

Майер, бросив последний быстрый взгляд на яростно вспыхнувший на другой стороне реки бой, подхватил одиннадцатикилограммовый «МГ» и, привычно пригибаясь, перебежал к Оскару. Он уже понял, что новый противник будет пострашнее старого.

Пулеметчик Рудольф Майер берег патроны, как скупой хозяин спички, и рык его пулемета вплетался в общий голос боя коротко, но веско, а девятиграммовые пули со скоростью 800 метров в секунду точно настигали цель.

Откуда-то сбоку на их позицию влетел, споткнувшись, пыльный и одновременно мокрый от пота Курт Шнайдер. Он где-то потерял или оставил свою каску, и теперь его рыжая шеволюра спорила по яркости с местным солнцем, которое хоть и перевалило уже зенит, но продолжало палить не хуже огнемета.

– Как дела, ребята? – Шнайдер плюхнулся спиной к стене, оскалился и с каким-то веселым остервенением сменил магазин. – Тебе это ничего не напоминает, Руди? По-моему, в Сталинграде мы подобное уже проходили!

– Нет, – коротко откликнулся Майер и дал очередь из четырех выстрелов.

– В Сталинграде, пожалуй, было жарче, – не очень уверенно согласился с пулеметчиком Руммениге и тыльной стороной ладони отер со лба пот и пыль. – Хоть и зима, конечно... Но там мы как бы на своей земле были... а?

– О! – радостно воскликнул рыжий Шнайдер и за-хохотал. – Удивительное дело, как быстро все мы становимся земляками! Стоит нам слегка припечь задницу... Кстати, вы, надеюсь, обратили внимание, что русских тоже атакуют?

– Обратили, обратили, – бросил, не оборачиваясь, Рудольф. – Ты давай стреляй... чего там у русских не видел? Тут самим бы отбиться...

– Не скажи! – возразил Курт, напряженно вглядываясь в противоположную сторону долины сквозь длинные светлые ресницы. – Во-первых, я берегу патроны – у меня и так только четыре магазина осталось. А во-вторых, русские нам сейчас скорее союзники, чем противники. Ты об этом не думал? Тем более что и навалились на них, по-моему, серьезней, чем на нас... О! Они отступают! К нам отступают! Правильно! Эй, камрады, сюда! Сюда!! – И Курт Шнайдер, не обращая внимания на снующие вокруг него пули сварогов, вскочил на ноги, сорвал с ремня пустой подсумок и отчаянно замахал им над головой.

– Что делать будем, товарищ лейтенант? – Верткий Стихарь ужом переполз на позицию Велги и пристроился рядом. Его гимнастерка, брюки, сапоги – все было изрядно перемазано пылью, а через щеку к подбородку тянулась яркая кровавая дорожка.

– Ранен, что ли? – покосился на бойца Александр.

– Где? А, это... Чепуха, осколком камня царапнуло. Прорываться надо. Прихлопнут нас тут, как мышей в мышеловке.

– Куда прорываться? Ч-черт... – выхаркнул лейтенант и, сорвав чеку, швырнул метров на тридцать, за остатки стены, из-за края которой торчали головы засевших там сварогов, «лимонку».

Грохот взрыва и тонкие пронзительные крики раненых и умирающих перекрыли треск автоматных очередей и частое щелканье винтовочных выстрелов.

– Хорошо попал, – констатировал Велга. – Куда прорываться? Немцы же сзади!

– Немцы-то они немцы... – поскреб щеку Валерка. – Но ведь люди же! Их тоже атакуют, и сейчас им так же хреново, как и нам. Объединяться надо, товарищ лейтенант. Да вы и сами об этом думали. С чего бы иначе мне подмигивали тогда? – Он помолчал секунду и вдруг зачастил громким шепотом: – Саша, слушай, я дело говорю! Если с немчурой сейчас не объединимся – всем хана! Фрицам тоже. Я еще тогда, в той комнате с прозрачными стенами, очень хорошо

это понял. А когда нам оружие отдавали, я у того фраера, ну, что с нами базар вел, коробочку переводную стырил...

– Какую еще, на хрен, коробочку? – Велга, воспользовавшись короткой паузой в стрельбе, приподнялся и, срывая уже и так охрипшую глотку, заорал на левый фланг, туда, где, по его расчетам, находились основные силы взвода: – Взвод!! Слушай мою команду! Всем сосредоточиться за руинами большого здания у реки! Отступать постепенно! Передай по цепочке!

Дружно ударили винтовки сварогов, но лейтенант Александр Велга, чья интуиция за два года войны отточилась почти до мистической остроты, уже упал на за– сыпанную каменным крошечком землю, и пули, завывая от бессильной злобы, прошли над его головой.

– Коробочку, Саша, ту, которая у него на шее болталась, из которой голос шел, как я понимаю! – Горячечный шепот Стихаря каким-то удивительным образом перекрывал шум боя. – Ты че, не понял, что это переводное устройство? Я сразу просек. И немцы, и мы его базар отлично понимали, и он нас тоже. А каким макаром, спрашивается?

– Ну ты даешь! – изумленно уставился на Валерку лейтенант. – Как это ты умудрился?

– Дурное дело нехитрое, – счастливо рассмеялся Стихарь. – Он, начальник этот ихний, слишком близко ко мне оказался, когда мы в эту... летающую... х...ню грузились, уж не знаю, как ее по-другому назвать. Я, с понтом, споткнулся, ну и пихнул его легонько... Да на нем столько разной фигни повешено было, что он и не заметил! А потом уж, наверное, связываться не захо-тел... Охрана его, двое этих, переливчатых, рыпнулась было, – частил Валерка, похотывая и скаля зубы, – да он, как благородный и вообще – джентльмен, ручкой эдак их отодвинул и даже меня – вот мудак-то! – под локоток поддержал, представляешь?! Я, само собой, расшаркался, виноватую улыбочку на физию изобразил – пардон, мол, – руку к сердцу прижал... поклонился даже! Коробочка-то махонькая, легонькая – в кулаке умещается! Ты ведь по-немецки не очень шпрехаешь?

– Сам знаешь. В школе учил через пень-колоду да на фронте чуток поднабрался, а так...

– Вот и я тоже, будь оно неладно, кроме «хальт» и «хенде хох», ни хрена не знаю! – весело признался Стихарь в том, что его командиру было и так прекрасно известно. – Ас этой коробочкой мы с фрицами быстро договоримся...

– Ладно, – перебил Велга, – там поглядим:

Оп перебрался к противоположной стене и сквозь иззубренный пролом стал наблюдать, как его бойцы постепенно, отстреливаясь на ходу, скапливаются в руинах то ли какого-то бывшего храма, то ли общественного здания почти на самом берегу реки, там, где он и приказал им сосредоточиться. Со стороны сварогов огонь велся плотный и остервенелый, и Велга подумал, что не все доберутся до места. Он заметил Малышева и Вешняка и еще человек восемь бойцов, которые уже достигли развалин, залегли среди них и теперь прикрывали своих товарищей. Лейтенант сплюнул скопившуюся во рту пыль и обернулся к Стихарю:

– Давай к реке. Перебежками. Сначала ты меня прикрываешь, потом я тебя.

– Понял, товарищ лейтенант, – кивнул Валерка и, заняв позицию, приник к прикладу своего «ППШ».

Гроза собралась быстро.

Еще полчаса назад небо было чистым и вовсю пекло склоняющееся к западу солнце, а сейчас, казалось, прямо над головами – протяни руку и коснешься – с бешеной скоростью летели темно-серые клочья облаков. Выше, за клочьями, небо затянула сплошняком какая-то желто-сизая зловещая мгла, а с юга надвигалась самая настоящая стена.

Стена была темной-темной, почти черной, росла на глазах, тянулась к зениту, и стену эту сверху донизу раскраивали мощные ветвистые слепящие молнии.

Гром – вначале далекий и прерывистый – теперь гремел, почти не переставая, и звук его нарастал.

– Судя по скорости, – заметил, взглянув на часы, Хельмут Дитц, – эта сумасшедшая гроза через пять минут будет над нами.

Александр Велга кивнул, соглашаясь:

– Нам это на руку. Если еще и ливень начнется – совсем хорошо. Используем стихию как союзницу, а?

– Да Ливень и гроза больше помешают им, чем нам.

Сорок минут назад остатки обоих взводов собрались тут, в руинах большого здания на берегу речки. Но вначале с белой тряпкой в руке к немцам пробрался верткий Валерка Стихарь. Украденная им у старшего советника Карсса коробочка действительно оказалась переводным устройством, и Валерка быстро договорился вначале со Шнайдером, Майером и Румениге, а чуть позже и с обер-лейтенантом Хельмутом Дитцем, которого под огнем сварогов сумел разыскать и привести рыжий Шнайдер. Теперь они все, в количестве двадцати трех человек, включая восьмерых раненых, заняв круговую оборону, вот уже сорок бесконечных минут ждали атаки сварогов, которые, быстро убедившись в меткости землян и понеся большие потери, залегли и тоже чего-то ждали.

Привалясь спиной к торчащему из земли обломку колонны, Велга хмуро оглядывал свое и Дитцево воинство.

«Двадцать три человека. Одиннадцать русских и двенадцать немцев. Восемь раненых. И раненных тяжело. Больше половины взвода выбили, сволочи».

Он вспомнил, как час назад они со Стихарем прорывались сюда, на берег реки, и тряхнул головой, отгоняя кошмар тех минут.

«Не уберег. Не уберег ребят, командир».

В голову вползла циничная мысль о том, что в живых остались, в общем-то, самые опытные и умелые: Малышев, Стихарь, Вешняк, Онищенко, Степанов... На войне подобное случается редко, но все же случается. С этими бойцами, пожалуй, можно и прорваться. Да и немцы, судя по всему, не лыком шиты. Вот один черноволосый широкоплечий пулеметчик Майер чего стоит! Тяжелый «МГ-42» в его волосатых руках, кажется, живет какой-то своей злой, опасной и целеустремленной жизнью... И рыжий Шнайдер ловок, черт, ничего не скажешь. Ну, а командир ихний, обер-лейтенант Хельмут Дитц... Велга покосился на долговязого белокурого Дигца, пристроившегося в трех шагах от него у обломка такой же колонны. Почувствовав на себе взгляд русского лейтенанта, немец поднял голову и вопросительно вздернул светлые тонкие брови.

– Все нормально, – заставил себя улыбнуться Велга.

Черт, сразу так вот очень трудно привыкнуть, что этот «обер» в серо-зеленом (глаза б на него не смотрели!) мундире, с Железным крестом II степени и «Знаком участника пехотных штурмовых атак» на груди, с исправным и грозным на ближней и средней дистанции пистолетом-пулеметом «МП-39» на худых коленях, с «парабеллумом» в кобуре и парой-тройкой стопатронных магазинов в подсумке, в пыльных добротных высоких офицерских сапогах, что этот проклятый ариец, которого еще вчера следовало если не убить на месте, то тут же взять в плен и с пристрастием допросить, сейчас ему, советскому лейтенанту Велге Александру Ивановичу, добрый союзник и чуть ли не друг...

– Товарищ лейтенант, а товарищ лейтенант!

Задумавшись, Александр не заметил, как к нему неслышно подошел сбоку Валерка Стихарь и тронул за рукав гимнастерки.

– Что? – недовольно, оттого что его застали врасплох, глянул на ростовчанина Александр.

– Там с вами раненые поговорить хотят. С вами и с немецким обер-лейтенантом тоже. Господин обер-лейтенант! – позвал он.

Дитц быстро поднялся и подошел. Пришлось встать и Велге.

– Что случилось? – осведомился немец.

– С нами хотят поговорить раненые, – объяснил ему Велга.

– Раненые? – Дитц повернул голову и посмотрел туда, где у дальней стены лежали и сидели восемь раненых солдат. Шестеро из них не могли ходить самостоятельно, а еще двое хоть и передвигались, но вряд ли смогли бы одолеть и сотню метров. – Что ж, пошли поговорим.

При виде приближающихся командиров немецкий ефрейтор с перевязанной головой и грудью попытался подняться, но Велга его остановил:

– Сидите, сидите, ефрейтор. В чем дело?

– Господин... господа... – неуверенно начал ефрейтор и беспомощно оглянулся на своих товарищей, ища поддержки.

Велга и Дитц переглянулись.

– Тут такое дело, товарищ лейтенант, и вы, господин обер-лейтенант, – обстоятельно вступил лежащий рядом Степан Коломийцев – бывший крестьянин из-под Чернигова и самый старый боец во взводе (недавно ему исполнилось сорок три года). – Сейчас, видно по всему, гроза начнется страшная. Вам всем, которые целы и не ранены, прорываться надо. А мы здесь останемся – вас прикроем. Не говорите ничего, товарищ лейтенант! – Он слегка повысил голос, заметив, что Велга открыл было рот для возражений. – Ничего говорить не надо. Мы тут с товарищами посоветались... Позвали Валеру с его переводной машинкой и посоветались, значит. И все решили. Вам, здоровым, нас все одно всех не унести. По двое на каждого – это уже шестнадцать человек требуется, а вас всего пятнадцать. Да и носилок нет, и сделать их не из чего. А нам... Чем черт не шутит. Откроем огонь, создадим видимость, что нас тут много, а потом сдадимся. Может, убьют, а может, и нет. Немцы, камрады то есть, согласны. Нет у нас другого выхода. А вы, если вырветесь, уж как-нибудь исхитритесь всыпать этим сволочам, что нас сюда кинули, по первое число. Патронов нам много оставлять не надо, патроны больше вам пригодятся. Ну и гранат пяток, пожалуй. Вот... – Он помолчал и добавил, твердо глядя прямо в глаза Велге: – По-другому нельзя, лейтенант. Если выживешь и – чего только не бывает! – вернешься домой, расскажи моим, что их муж и отец погиб смертью храбрых. А где и как погиб, не рассказывай – подумают еще, что смеешься над ними или умом тронулся. Сочини что-нибудь, ладно?

– Ладно, – кивнул Велга и судорожно сглотнул.

– Храбрецы, – тихо, но отчетливо сказал стоящий рядом Дитц. – Мы не забудем вас.

Он поднял худое лицо к небу, и первые крупные капли дождя упали на его лоб.

ГЛАВА 6

Сначала налетел ветер. Порывистый, как юноша-поэт, и грубый, словно унтер-офицер с двадцатилетней выслугой, он поднял с морщинистой старой земли центнеры песка пополам с пылью и швырнул это желто-серое месиво на сварогов и землян. А когда те, задыхаясь и кашляя, выхаркнули пыль из легких, небо над головой вначале резко почернело, а потом раскололось надвое. И тут же, секунда в секунду, воздух сотряс такой грохот, что казалось, разорвутся барабанные перепонки и никто и никогда уже ничего не услышит в этом мире. Ниагары ледяной воды хлынули отвесно вниз. В ослепительных вспышках света (молнии били почти непрерывно, будто кто-то включил гигантский стробоскоп на этом шоу природы) они застыли и принимали вид причудливой стеклянной стены, пронизанной и насквозь насыщенной холодным голубым огнем. Все вокруг потонуло во мраке, слепящем огне, жутком грохоте и потоках воды.

– За мной! – крикнул Велга, и его голос никто не услышал.

– Вперед! – крикнул Дитц, и гром стократно перекрыл его голос.

Но солдаты поняли приказ и, пригибаясь, озверев от грозы и безвыходности положения, пошли на про-рыв.

В этом бою каждый полностью рассчитывал только на себя, потому что уже с пяти шагов человеческая фигура размывалась и теряла очертания, а с шести и вовсе пропадала за сплошной стеной ливня и мрака.

Молнии слепили.

После очередной вспышки перед глазами плавали оранжевые пятна, и зрение не успевало адаптироваться, как тут же следовала другая, за ней третья... и так без конца.

Это был прорыв наугад, во тьму и ливень, в грохот и слепящий свет. Лишь вспышки выстрелов в промежутках между молниями помогали кое-как ориентироваться, и Велга убил двоих, пока вырвался на склон долины. Где-то сзади еще стреляли, но он не останавливаясь бежал вверх по склону, скользя по грязи и мокрой траве, падая и поднимаясь, и понимая, что единственное, чем он может помочь своим бойцам, – это остаться в живых.

Десять человек – русские и немцы – все, что осталось от двух взводов разведки, измученным маршем, под проливным дождем продвигались выше в горы, и за усталыми спинами солдат умирала гроза и последний Бой, который давали врагу их оставшиеся товарищи.

Слух еще улавливал отдаленные автоматные очереди, частые винтовочные выстрелы да изредка – хлопки гранат, но вскоре наступила тишина, нарушаемая лишь шелестом утихающего дождя да надсадным дыханием измотанных людей.

Шли молча:

До полной темноты было необходимо оторваться как можно дальше от возможной погони и найти надежное убежище на ночь – люди выдохлись и вряд ли смог ли бы продолжать движение еще и ночью.

Александр Велга, шедший впереди отряда рядом с Хельмутом Дитцем, на ходу обернулся и в который уже раз поразился абсурдности и полной невозможности с точки зрения здравого смысла открывшейся перед ним картины: его разведчики шли вперемешку с немцами, рядом, плечом к плечу, как час назад плечом к плечу прорывали окружение, прикрывая и выручая друг друга... А вон гигант Малышев легко, словно тросточку, несет на левом плече свой «дегтярь», а на правом – более громоздкий и тяжелый немецкий «МГ-42», помогая Рудольфу Майеру, который заметно припадает на раненую ногу. Еще вчера... да что там вчера – сегодня утром! – они были готовы в прямом смысле слова перегрызть друг другу глотки, а теперь вот...

Бой и общий враг уже объединили солдат и сделали их если и не друзьями пока, то уже соратниками, что зачастую значит ничуть не меньше, а иногда и гораздо больше.

– Саша, – Хельмут Дитц остановился и вскинул к глазам свой полевой цейссовский бинокль, – взгляни-ка туда!

Дождь все еще сеялся с неба, но страшная черная гроза ушла, и за их спинами, на западе, там, где уже садилось солнце, небо ощутимо посветлело.

Дитц протянул «цейсс» Велге, и лейтенант принял из рук немца теплый и влажный от дождя корпус бинокля.

– Там, – Хельмут протянул длинную руку по направлению к горам. – Видишь, где деревья зацепились за склон? По-моему, это пещера.

Александр чуть тронул настройку, приспособливая бинокль к своему зрению, и мощная оптика приблизила – рукой подать – черный, неправильной формы провал в скале километрах в полутора от них.

Пещера, точно.

И подобраться к ней можно было по длинному и открытому со всех сторон склону, на котором там и сям росли какие-то невысокие разлапистые деревья.

– Кажется, то, что надо, – оторвался от окуляров бинокля Велга, – Во-первых, склон довольно длинный и отлично просматривается на всем протяжении. Сверху не подберешься – скалы, а вход не такой уж и большой – можно замаскировать камнями и теми же ветками от деревьев. Если внутри достаточно места, то лучшего ночлега и пожелать нельзя.

– И я так думаю, – устало улыбнулся Дитц и, обернувшись к отряду, громко объявил:

– Солдаты! Нам нужно добраться вон до той пещеры! Там устроимся на ночь. Потерпите, осталось немного...

И они зашагали быстрее, словно близость отдыха придала сил. Темень стремительно надвигалась на них из-за гор, и никто не знал ночных опасностей этого мира.

Дождь, было притихший, снова усилился.

Казалось, во всем мире не осталось ничего, кроме этого нудного холодного дождя, а его равномерный безнадежный шелест не обещал ничего, кроме насквозь мокрого мундира и гимнастерки да зябкого ночлега на каменном полу. Впрочем, десять измученных землян были сейчас рады любому ночлегу.

Пещера оказалась громадной – пришлось даже послать вглубь на разведку Вешняка и Шнайдера с фонариком – и, главное, сухой. Еще час ушел на то, чтобы завалить вход камнями, оставив лишь узкий, выходящий вбок, лаз для часовых и замаскировать все это песком и ветками. Нашелся неподалеку и ручей с чистой вкусной водой, а из собранного хвороста получилась внушительных размеров куча.

– Вот черт, промокло все насквозь! – чертыхнулся ефрейтор Карл Хейниц, без толку истратив уже третью спичку из тщательно сохраненного в сухости коробка. – Бензину бы сюда... Не могу зажечь, хоть убей!

– Дай-ка я попробую, – мягко сказал присевший рядом Михаил Малышев и протянул свою громадную ладонь.

– Ну-ну, – покосился на гиганта ефрейтор и осторожно положил на эту ладонь коробок.

Михаил разгреб сложенную немцем растопку и не торопясь начал ее складывать снова, приговаривая:

– Та-ак... а теперь вот эту положим сюда... хорошо. – Стоящий рядом Руммениге освещал будущий костер фонариком, притоптывая то ли от холода, то ли от нетерпения.

Наконец хитрая операция таежника Малышева была закончена, и он, чиркнув спичкой о коробок, сунул огонек куда-то в середину растопки...

Через две минуты костер полыхал вовсю. Дым утягивался в глубь пещеры, и можно было не опасаться, что его заметят или учуют снаружи.

Озябшие и промокшие люди потянулись к огню, и Малышев сноровисто разложил костер в длину – так раскладывают костры аляскинские индейцы, чтобы в холодную зимнюю ночь места у живительного тепла хватило всем. И вот уже кто-то со стоном облегчения стянул сапоги, а кто-то насквозь мокрую гимнастерку. Солдаты протягивали к огню руки, оружие и одежду. А когда в трех котелках, поставленных прямо среди горящих веток, вскипела вода и Оскар Руммениге, взявший на себя обязанности повара, высыпал туда что-то явно очень вкусное из собранных у всех запасов провизии, напряжение последних часов почти окончательно покинуло измученные тела и нервы бойцов.

Полностью расслабиться, однако, не удалось – Велга и Дитц назначили первую смену часовых снаружи (по двое каждый час, включая и самих лейтенантов, что было встречено с молчаливым одобрением), и это напомнило людям, что они – на враждебной территории.

Вернулись Шнайдер с Вешняком.

По их словам, пещера тянулась очень далеко – им не удалось дойти до противоположного конца.

– Еда готова! – радостно сообщил Руммениге, в очередной раз сняв пробу. – Накрывай на стол!

Семь человек (Петр Онищенко и Карл Хейниц попали в первую смену часовых) расселись с ложками наготове у соблазнительно дымящихся котелков. Но пулеметчик Рудольф Майер остался стоять, баюкая в руках флягу с водкой.

– Я хочу выпить! – сказал он громко, и эхо его голоса заметалось под сводами пещеры. – Сегодня мы сражались бок о бок и доказали этим ублюдкам сварогам, что с нами не так-то легко справиться. Я хочу выпить за те робкие ростки дружбы, которые пробились сегодня сквозь коросту нашей вражды. Я хочу выпить за нашу общую победу на этой богом проклятой планете и при этих воистину фантастических обстоятельствах. Я хочу выпить за наших товарищей, которые остались там, в безымянной долине, прикрывать наш отход и скорее всего погибли, спасая нас. Я хочу выпить в память о тех, кто погиб раньше, и в память о тех, кто погиб потом, когда мы прорывали окружение. Я хочу выпить за Михаила Малышева, который тащил на себе сегодня мой пулемет, потому что мне было больно и трудно идти из-за раненой ноги, и за всех нас, русских и немцев, которых сплотила общая беда. Сегодняшний бой показал, что мы – люди. Люди, несмотря ни на что. Выпьем же за то, чтобы и дальше оставаться людьми. И да поможет нам бог!

Скрывая подступившие слезы, Майер запрокинул голову и, сделав хороший глоток из фляги, передал ее сидящему рядом и смотрящему на него с приоткрытым ртом Валерке Стихарю.

– Да ты у нас прирожденный оратор, Руди! – воскликнул Хельмут Дитц. – Bravo! Я поддерживаю этот тост.

Фляга Майера пошла по кругу. Всем досталось по полному глотку (не были забыты и часовые снаружи), а потом над котелками замелькали алюминиевые ложки.

Глоток спиртного и горячая пища, принятые вовремя, творят чудеса даже со смертельно уставшими людьми. С трапезой было покончено в пять минут (Онищенко и Хейнцу отнесли котелок наружу). Казалось бы, тут на людей и должен был навалиться сон, однако все произошло наоборот: заблестели глаза, развязались языки, и вскоре плоская коробочка «переводчика» трудилась вовсю.

Вскоре рыжий Шнайдер, немилосердно коверкая слова, запел «Катюшу», и все с воодушевлением подхватили – эту песню любили на фронте не только русские, но и немцы.

– Странно, – заметил грустно Руммениге, когда песня кончилась, – у вас, русских, столько хороших песен для солдат... С такими песнями и умирать легко. Вон, даже мы, ваши враги, их знаем и поем. А у нас один «Хорст Вессель» да «Лили Марлен», да и те... – Он безнадежно махнул рукой.

– А что «Лили Марлен»? – неуверенно нахмурился Дитц. – Хорошая песня...

– Хорошая-то она хорошая, – согласился Оскар, – но только написана еще в Первую мировую. А я про современные песни говорю.

– Это, наверное, потому, – авторитетно заявил Валерка Стихарь, – что русский народ... как это... э-э... лучше сечет в поэзии, чем немецкий. У нас больше хороших поэтов. Взять, к примеру, Пушкина...

– Бред, – фыркнул окончивший в свое время десятилетку Велга. – А Гёте? Шиллер? Гейне?

– Гейне у нас запрещен, – невпопад вставил Руммениге.

– Да бросьте вы! – вмешался в разговор Курт Шнай-дер. – Развели философию... Так хорошо сидели! А ну-ка... – и он чуть хриплым баритоном запел «Лили Марлен».

«Лили» пошла хорошо, но хуже, чем «Катюша», в силу незнания русскими слов и мелодии. Разошедшийся Малышев затянул было басом: «Вот мчится тройка почтовая...», но тут у костра бесшумно возник Петр Онищенко и, хмуро оглядев всю честную компанию, негромко осведомился:

– Вы шо, хлопцы, з глузду зихалы? Тыхо будьте, а то слышать усэ на пять километров... Велга и Дитц с некоторым смущением переглянулись через костер.

– Так, – кашлянул Хельмут и поднялся. – День был трудный. Всем почистить оружие и отдыхать.

– А покурить можно, господин обер-лейтенант? – насмешливо спросил Стихарь.

– Можно, можно, – торопливо ответил за Дитца Велга. – Курите.

– А что завтра делать будем, товарищ лейтенант? – поднял русую голову Сергей Вешняк. Он уже положил автомат на колени и даже успел отсоединить диск и теперь не мигая глядел на своего командира синими круглыми глазами. Красноватые пятна света и темные глубокие тени попеременно плясали на его широкоскулом лице. Головы солдат повернулись к Александру. Как-то очень тихо стало у костра – слышно было только, как потрескивает в огне хворост.

«Там посмотрим», – хотел было ответить Велга, но вовремя понял, что такой ответ не удовлетворит людей. Он был командиром, на него надеялись, и от него (как, наверное, и от Хельмута) ждали конкретных решений и действий.

– Хм-м... завтра... – погладил уже начавший обрастать щетиной подбородок Велга. – Это мы решим. Сейчас вот посоветуемся с тов... с господином (это слово далось ему с невероятным трудом) обер-лейтенантом и решим. Командиры мы, в конце концов, или кто?

Кто-то облегченно вздохнул, кто-то невесело улыбнулся, кто-то просто склонился над своим автоматом. Принятие решения о дальнейших действиях, как всегда, брали на себя командиры, а значит, с любого из подчиненных вроде бы снималась ответственность как за судьбу всего отряда, так, в общем-то, и за свою собственную судьбу. Все было правильно и все было привычно. Все было так, как и должно быть. Командир принимает решение и отдает приказ, а солдат этот приказ выполняет. Чего еще? Непривычной и даже фантастической была ситуация, в которой они оказались, но разве вся война не являлась одной громадной и невероятно-фантастически-ужасной ситуацией? Вся их война, в которой они принимали столь деятельное участие... И разве каждый из них не смог бы рассказать с десятков абсолютно правдивых случаев, которые нормальному обывателю показались бы невероятными? Смог бы. А посему чистить оружие и спать – это единственно правильное решение на данный момент времени, а уж подчиняться правильному решению, решению, с которым ты полностью согласен, одно удовольствие.

– Ну что, Хельмут, – сказал Велга, вставая и оправляя под ремнем гимнастерку, – пошли посоветуемся?

– Пошли, Саша. – Дитц подхватил фонарик и шагнул в темноту.

Велга последовал за ним.

Они отошли шагов на тридцать в глубь пещеры, туда, где свод сливался с полом, и присели там. Дитц достал изрядно помятую пачку сигарет и предложил Велге. Тот взял сигарету и, в спую очередь, протянул Хельмуту огонь, добытый из самодельной зажигалки (всего делов: пулеметный патрон, бензин, колесико, кремьнь, фитиль... а какая полезная вещь!).

Закурили.

Отсюда, из темноты, очень красиво и необычно смотрелся костер, полыхающий у входа. Фигуры солдат отбрасывали на стены и свод пещеры громадные причудливые тени, а свет от костра дрожал на каменных изломах и гранях оранжевыми, желтыми и красными бликами. Солдаты двигались, и тени двигались тоже, завораживая офицеров своей немой игрой.

– Я вот о чем все время думаю... – начал неожиданно Хельмут и умолк.

– Ну? – повернул к нему голову Велга.

– Я начал об этом думать еще тогда, в долине, и думаю до сих пор.

– О чем? – терпеливо спросил Александр.

– Почему Карсс со своей бандой не прервали бой, не усыпили или на крайний случай просто не убили нас? Ведь ясно же было, что ситуация выходит из-под контроля, а при их технической мощи, я думаю, сделать это было бы несложно.

– Признаться, я тоже об этом думал. – Александр сделал последнюю глубокую затяжку и погасил сигарету. – Думал и пришел к определенным выводам. Или предположениям – назови как хочешь. Во-первых, не забывай, что, кроме Карсса, существует и другая сторона.

– Э-э... что ты имеешь в виду?

– Ну... это... Карсс ведь представитель только одной стороны, а существуют еще их противники – тоже свароги, и не менее сильные, чем сторона Карсса. Помнишь, он сам признался, что они находятся на грани большой войны?

– Помню, конечно... но при чем здесь эта самая другая сторона?

– А при том, – терпеливо пояснил Велга, – что они могли заартачиться, понимаешь? Могли сказать: «Уговор дороже денег. Давайте подождем и поглядим, чем все закончится. Они еще вполне могут чуть позже перегрызть друг другу глотки». Это раз.

– «Два» я знаю, – перебил Дитц. – Гроза.

– Так точно, – согласился Велга, – гроза. Гроза им помешала. Вообще-то я думаю, что если бы это была обычная гроза, то они смогли бы что-нибудь предпринять. Но ты сам видел, что творилось...

– Да уж. Гроза была – прямо загляденье. Я, честно сказать, в такую ни разу в жизни не попадал. А ведь что такое гроза? Это в первую очередь атмосфера, перенасыщенная электрическими зарядами и разрядами. Если даже они каким-то образом и следили за нами с воздуха или даже из космоса – черт их знает, какая у них техника?! – то наверняка потеряли нас во время этой сумасшедшей свистопляски. – И гроза – вполне возможно – помешала их летающим машинам опуститься и забрать нас, – подхватил Велга. – Или убить, если они все-таки приняли такое решение. Самолеты-то ведь в грозу не летают? Не летают. Эти их дискообразные штуки, конечно, сильно отличаются от самолета, и принцип действия наверняка другой... но ведь машины же! А раз машины, то и грозы должны бояться, и сломаться могут...

– И вообще, эти ребята не боги, а такие же люди, как мы, – закончил Хельмут.

– Верно. А раз люди, то способны делать ошибки, и техника их – пусть даже самая наилучшая и надежная – это всего лишь техника, и ничего больше.

– Отсюда вывод? – весело осведомился Дитц.

– Отсюда вывод, что мы им еще покажем кузькину мать!

– Это как? – опешил Дитц.

– Что? А... то есть мы еще с ними поборемся. Молча выкурили по второй сигарете, наблюдая, как люди у костра постепенно укладываются спать.

– Так как будем действовать завтра, Хельмут? – спросил Велга.

– Я не очень уверен, – пожал худыми плечами Дитц, – но мне кажется, что нам нужно искать помощи у местных сварогов.

– Ты с ума сошел, – криво усмехнулся Алек-сандр. – Мы же перебили их невесть сколько там, в долине.

– Они начали первыми.

– Это верно. Но, может быть, мы, затеяв наш бой в тех развалинах, каким-то образом оскорбили их чувства?

– Может быть, и так, но это не важно. Важно то, что с этими... космическими сварогами и, в частности, с Карссом нам уж точно договориться не удастся. Подумай сам, к чему мы им теперь, когда вся их затея провалилась? Возвращать нас на Землю – долго и наверняка очень дорого. Гуманизмом особым они не отличаются. Уничтожат – и концы в воду. А свои проблемы решат каким-нибудь другим способом. Нет, надо как-то на местных выходить.

– М-мда. Может, ты и прав. Тем более что местные в техническом развитии, по-моему, гораздо ближе к нам, чем к ним. Оружие-то, во всяком случае, у них пулевое. А вообще, куда ни кинь – везде клин и утро вечера мудренее. Давай-ка спать, господин обер-лейтенант, а то у меня что-то с устатку в голове мутится и всякая мысль из такой головы бежит.

– Давай, – легко согласился Хельмут и длинно потянулся, хрустнув костями.

Дитца и Велгу разбудили под утро.

Хельмуту как раз снился родной Дрезден и соблазнительная Эльза Фогель, дочь бакалейщика, жившая по соседству. В этом сне ему снова было шестнадцать лет и он как раз пригласил пышногрудую Эльзу в кино...

Часовой, а им в эту смену оказался угрюмый с недосыпу ефрейтор Карл Хейниц (его напарник, Михаил Малышев, остался вести наблюдение снаружи), безжалостно растолкал лейтенантов и доложил, что их отряд, судя по всему, ищут и те, кто ищет, приближаются.

– У них летающие машины, господин обер-лейтенант, – тихой скороговоркой докладывал Карл. – Много. Мы с Михаилом насчитали больше двух десятков. Шарят прожекторами. Пока довольно далеко, но... Да и рассвет скоро – небо сереет. Днем, боюсь, они нас в два счета обнаружат.

– Надо уходить, – хриплым со сна голосом сказал Велга и потянулся за портянками. – Ефрейтор прав. Днем нам какую. Что, они пещеру не засекут? Засекут как пить дать.

– Уходим. – Дитц медленно поднялся на ноги. – Только куда?

– Я думаю, у нас одна дорога, – пропыхтел Велга, натягивая сапоги, – в глубь пещеры. Разведчики вчера так и не дошли до конца... Наружу выходить нельзя – тут же заметят. Здесь сидеть нельзя тоже. Значит...

– Значит... – подхватил Дитц и вдруг рявкнул хорошо поставленным лучшими инструкторами школы по подготовке унтер-офицеров для сухопутных войск в Потсдаме голосом: – Взвод, в ружье!!!

Через пятнадцать минут лишь теплые угли погасшего костра могли бы свидетельствовать о том, что здесь еще недавно были люди.

ГЛАВА 7

Сказать, что старший советник Карсс нервничал, значит не сказать ничего.

Он был расстроен. Он был взбешен. Он был подавлен. Он был в ярости.

И все это одновременно.

Сорок минут назад он вышел от Первого министра деревянным шагом и, видимо, направился к себе в кабинет. «Видимо», потому что он совершенно не помнил ни того, как он вышел от Первого министра, ни того, как преодолел коридоры и переходы Дворца Владык, ни, наконец, того, как очутился в своем кабинете. Двадцать минут назад он осознал себя сидящим в кресле за рабочим столом и тупо глядящим в окно. За окном уходящее солнце освещало отроги Старого Хребта, в пыльной синеве неба парили редкие вечерние птицы да ослепительно сверкали в лучах закатного солнца полированным металлом несколько дежурных «челноков» на импровизированном космодроме в трех километрах от Дворца.

Вечерело.

Карсс вспомнил разговор с Первым министром и внутренне содрогнулся. Собственно, не сам разговор был ужасен и унизителен для старшего советника, а тот липкий, обессиливающий страх, с которым он, Карсс, шел на аудиенцию к Его превосходительству. Точно как в юности, когда, пропустив два-три дня занятий, все-таки приходилось с тяжелого похмелья являться перед ясны очи декана и что-то сочинять о больной тетушке, которой срочно понадобился уход и внимание со стороны любимого и – заметьте! – единственного племянника.

Но если в Лицее подобные вещи были в традиции среди студенчества и даже негласно поощрялись (в определенных пределах, разумеется), то здесь...

С противной дрожью во всем теле Карсс пересек пространство кабинета и остановился перед обширным столом Первого, уставившись невидящим взором куда-то поверх его массивной лысой головы.

– Что, молодой человек, обо...лись? – ровным голосом поинтересовался Первый, не отрывая взгляда от какой-то бумаги, которую держал в правой руке. Карсс безмолвствовал.

Он прекрасно был осведомлен о том, что Первый терпеть не может оправдывающихся подчиненных.

Молчал и министр. Наконец, вздохнув, он отложил бумагу в сторону и, не мигая, уставился на Карсса своими маленькими темными глазами.

– Значит, так, господин старший советник, – медленно и очень внятно сказал он. – Ваша вина (вы обязаны были заметить приближение грозы, черт возьми!) – вам и расхлебывать. К счастью или несчастью, у меня нет привычки отрывать головы подчиненным после первой же их ошибки. Пусть даже эта ошибка такая серьезная, как ваша. Мой приказ таков: найти и уничтожить. Причем чем быстрее вы это сделаете, тем лучше. И не забудьте, что завтра утром у нас совещание с «южанами» на самом высоком уровне. Желательно, чтобы к этому времени вопрос был решен. И учтите, что если в течение ближайших двух суток вы не сумеете найти и уничтожить землян, то можете искать себе любую другую работу вне аппарата правительства. Идите. И Карсс, повернувшись кругом, вышел. Теперь он стоял и, упершись разгоряченным лбом в толстое холодное стекло, следил, как растворяется в подступающих сумерках Старый Хребет, как гаснет сверкающая броня «челноков», как ночь размашистым шагом шествует с востока.

Двери в кабинет без предупреждения распахнулись. – Какого.. – Карсс яростно обернулся к вошедшему и от неожиданности сел в очень кстати подвернувшееся кресло.

Порог переступила единственная и любимейшая дочь Императора принцесса Стана. Одна.

Без охраны и сопровождающих лиц.

Чуть стилизованный комбинезон пилота космолетчика класса "А" выгодно подчеркивал тонкую талию и длинные ноги, а также почти скрывал небольшую грудь принцессы; но зато ее густые черные волосы, разметавшиеся по спине и плечам, прозрачно-серые удлинённые глаза, полные чувственные губы и длинная шея, безо всяких сомнений, позволяли считать ее существом именно женского пола и никакого другого.

– П-прошу прощения, Ваше Высочество, – промямлил ошеломленный старший советник и сделал неудачную попытку подняться с кресла.

– Пустяки! – неожиданно низким, но чертовски пленительным голосом успокоила его Стана. – Сидите, советник. Я, собственно, к вам ненадолго.

– Чем могу служить? – Карсс уже оправился от потрясения и теперь лихорадочно гадал, чем вызвано высочайшее внимание к его скромной персоне. Разумеется, ему было известно о том, что принцесса Стана (единственная, кстати, женщина!) находится во Дворце Владык, но до этого он видел ее лишь дважды, да и то издали. Знал он также о воистину не ведающей границ любви Императора к своему единственному чаду и о капризном, своевольном, а зачастую и просто стервозном характере сей юной особы, которая по своей прихоти вертела собственным отцом как хотела. Именно в силу этих не слишком привлекательных черт своей натуры она оказалась тут, на Пейане, в то время как ее мать, фрейлины и просто подруги остались, по велению Императора, на базовой планете «северян» Гейне. И вот теперь ей, видите ли, понадобился он, Карсс...

– Вас ведь зовут Карсс, не так ли? – мило осведомилась принцесса, усаживаясь на стул для посетителей.

– Да, Ваше Высочество...

– Бросьте. Бросьте, Карсс! Ведь мы с вами почти ровесники. Зовите меня просто Стана.

– Слушаюсь... Стана.

– Так-то лучше. Хотя все равно плохо. Это ваше «слушаюсь»... Знаете, Карсс, а ведь я поставила довольно много денег на этих... как их... русских?

– Да, Стана. Русские и немцы. Так они себя называют. Это два враждующих племени...

– Я знаю, спасибо. Мне хотелось бы узнать другое: что вы намереваетесь делать дальше?

– Ну... Я думаю, что ваши деньги не пропали. Ведь никто не победил и...

– Я не о деньгах. Я о людях. Мне было безумно интересно следить за всеми этими событиями, и я хочу знать, что будет дальше.

– Послушайте, Ваше... простите, Стана. При всем моем к вам безграничном уважении я не могу обсуждать с вами этот вопрос. Осведомитесь у господина Первого министра – он вам не откажет.

– У этого старого пердуна? Мое любопытство не заходит столь далеко. Впрочем, не утруждайте себя ложью. Я и так знаю. Их собираются найти и уничтожить, верно?

Чуть заметным кивком головы Карсс позволил себе подтвердить правильность догадки.

– Что ж, наверное, так и должно быть, хотя, конечно, жаль этого... впрочем, пустяки. Послушайте, Карсс, я хочу, чтобы вы держали меня в курсе событий и, как только группа людей будет обнаружена, немедленно сообщили мне об этом. Если вам недостаточно моей просьбы, я могу принести вам письменный приказ Императора, – добавила она и улыбнулась фальшивой, но ослепительной улыбкой.

– Что вы! Что вы, Стана! Это совершенно излишне! Разумеется, я тут же вам сообщу, как только...

– Вот и отлично, – перебила его принцесса, стремительно поднимаясь с места. – Хороший мальчик, – она перегнулась через стол, погладила оторопевшего старшего советника по щеке и вышла из кабинета походкой высокооплачиваемой проститутки.

Дрожащими руками Карсс достал из сейфа флягу крепкого, налил себе на три пальца и, не разбавляя водой, залпом выпил. «Вот же сука!» – восторженно подумал он и решительно сел за стол разрабатывать план поисков и поимки взбунтовавшегося отряда землян.

За обширным овальным столом в главном зале Дворца Владык уже полчаса шло экстренное совещание.

Высокие договаривающиеся стороны обсуждали создавшуюся ситуацию, и тон обсуждения был далек от дружественного весьма и весьма.

– А все вы с вашим дурацким предложением! – цедил сквозь зубы полномочный представитель Императора «южан». – Мало того, что эти чертовы земляне уничтожили почти сотню наших горцев, так мы теперь даже не знаем, где они находятся и что собираются предпринять! Хорошенькую историю мне придется рассказать своему Императору!

– Позвольте вам напомнить, – чуть повысил голос Первый министр «северян», и в голосе этом отчетливо зазвучали холодные надменные нотки, – что вы полностью одобрили нашу идею, а значит, несете за все происшедшее такую же ответственность перед своим Императором, как и мы перед своим. Это во-первых. А во-вторых, кто мог знать, что горцы вооружены и что они нападут на людей, да еще так неожиданно? Их вообще не было замечено в выбранном нами районе. Все шло по плану, вы сами прекрасно видели. А люди... Что ж, они ведь солдаты, и – нужно отдать им должное – солдаты хорошие. Во всяком случае, мужества и отваги им не занимать – вспомните хотя бы о судьбе их раненых, которые остались прикрывать отход и полегли все до последнего человека... Двое так вообще подорвали себя гранатами, когда кончились патроны! То, что земляне объединились против нового врага, – естественно.

Наша же задача теперь сводится к тому, чтобы найти их и обезвредить. Бог знает, что могут натворить десять, пусть и примитивно вооруженных, людей! Найти и обезвредить, повторяю, а уж потом решать, что делать дальше.

– Кстати, – продолжил речь своего начальника сидящий рядом Карсс, – не забывайте, господа, что вся эта неприятная ситуация возникла и по вашей вине. Именно ваш представитель настоял на невмешательстве, когда было совершенно ясно, что противники объединяются и ситуация начинает выходить из-под контроля. Я тогда принял решение срочно всех усыпить, но ваш советник... – Карсс выразительно посмотрел на узкоплечего, средних лет «южанина» в форменном черном мундире, и тот невольно опустил глаза, – ваш советник настоял на продолжении. Он думал, что все еще может измениться и противники закончат начатое – мол, перспектива слишком заманчива – возвращение на Землю и военная помощь. Я вынужден констатировать, что он оказался плохим психологом. Признаюсь, что я тоже был не на высоте, так как не смог найти убедительных аргументов в пользу своего решения. Все происшедшее зафиксировано на видеопленке... Да вы и сами за всем следили и знаете это не хуже меня! А потом началась эта сумасшедшая гроза. В общем, я предлагаю отложить взаимные обвинения и заняться...

И тут в нагрудном кармане у Карсса запищал телефон.

– Это поисковики! – бросил старший советник собравшимся, выхватывая телефон из кармана, словно пистолет из кобуры. – Карсс слушает!

Некоторое время он молча прижимал трубку к уху, и лицо его с каждой секундой все больше прояснялось.

– Что там? – не выдержал Первый министр.

– Докладывает командир поисковой группы, – радостно сообщил Карсс. – Десять минут назад было обнаружено место их ночной стоянки. Это пещера, которая ведет куда-то в глубь гор. Они ушли по ней. Отдать приказ о преследовании?

– И немедленно! – рявкнул полномочный представитель Императора «южан». – Чем скорее мы обезвредим этих стервечков, тем лучше!

ГЛАВА 8

Вот уже четвертый час отряд землян в количестве десяти человек двигался цепочкой в темноте, ориентируясь только на тусклый свет фонарика впереди, монотонный шум бегущей воды слева и близкую шероховатую каменную стену справа.

Сначала они обнаружили в глубине пещеры небольшое, метров семьдесят в диаметре, озерцо и, только обойдя его по узенькой кромке, наткнулись на этот ход, по которому бежал впадающий в озеро ручей. Решив последовать старому доброму правилу, гласившему: «Иди вдоль текущей воды и куда-нибудь дойдешь», отряд втянулся в природный тоннель и скорым походным шагом двинулся вверх по ручью.

Фонарик был лишь у шедшего впереди Хельмута Дитца. Всего фонариков оказалось три: два у немцев и один у русских, тоже, правда, немецкий, трофейный, и один из этих трех уже полностью отдал энергию своих батареек. Второй тоже заметно ослабел за последние полчаса, и было совершенно ясно, что долго он не про-тянет. Впрочем, энергии батареек пока не жалели – необходимо было оторваться как можно дальше от возможных преследователей в самом начале, чтобы потом было время подумать и принять решение о дальнейших действиях. К сожалению, ход, по которому сейчас молча и быстро шагал отряд, был единственным продолжением пещеры, и никаких иллюзий по поводу того, в каком направлении двинется погоня, ни Дитц, ни Велга, ни все остальные не испытывали. У них еще имелись шесть двухсотграммовых толовых шашек и несколько метров бикфордова шнура, но пока устроить завал не представлялось никакой возможности – стены, пол и потолок тоннеля представляли собой сплошной каменный массив без каких-либо выступов и трещин, куда можно было бы заложить заряд взрывчатки.

И все же им продолжало везти.

Когда через час окончательно «сдох» второй фонарик и пришлось включить последний, третий, шедший впереди Дитц чуть не разбил себе голову об нависавшую с потолка каменную глыбу. Здесь высота тоннеля резко уменьшалась, и самым высоким в отряде, Малышеву и Дитцу, пришлось метров десять пройти пригнувшись, прежде чем потолок снова ушел вверх. Дитц посветил фонариком, и тут же в торце этого выступа обнаружилась парочка очень удобных, достаточно глубоких и широких трещин, будто специально созданных для закладки в них толовых шашек. Если учесть, что буквально еще через четыре метра тоннель резко поворачивал вправо, то более удобного места для засады и устройства завала и пожелать было нельзя.

– Кто у тебя лучший подрывник сейчас? – спросил Дитц Велгу, шаря лучом фонарика по извилистым трещинам в торце выступа.

– Пожалуй, Онищенко, – чуть подумав, ответил тот. – Петро, справишься?

– Думаю, шо справлюсь, товарищу лейтенант. – Онищенко старался говорить по-русски, так как переводная машинка явно плохо знала украинский язык.

– Хорошо. Останешься здесь. Ты и...

– Рудольф Майер, – подсказал Дитц.

– Ты и Майер. Ваша задача: заминировать этот выступ и, как только противник приблизится, взорвать его. Взорвать желательно так, чтобы завалить врага камнями насмерть. Но это уж как удастся.

– Я думаю, это не очень сложно э-э... товарищ лейтенант, – плотоядно ухмыльнулся Майер. – Скорость горения бикфордова шнура мне известна. Свеча у меня есть. Мы заложим шашки и пройдем вперед. Метров эдак двести. Там сядем и будем ждать и слушать. Акустика тут хорошая, а бесшумных погонь не бывает. Опять же, они выдадут себя светом. Как только мы их обнаружим, быстро вернемся сюда, прикинем расстояние и время... В общем, уверен, справимся.

– Что ж... – Велга внимательно оглядел обоих. – Удачи вам. Эй, у кого тол и шнур?! Отдайте ребятам. Мы отойдем метров на пятьсот – нет нужды рисковать всем. Как только подожжете шнур, быстро, но тихо двигайтесь к нам. Если не получится со взрывом, встретим их иначе.

– Извините, товарищ лейтенант. – Коренастый немец-пулеметчик переступил с ноги на ногу и вдруг посмотрел прямо в глаза Александру. – Я, конечно, солдат и знаю, что такое приказ, но, по-моему, это не очень удачная мысль.

– Рядовой Майер! – рявкнул Дитц.

– Прошу прощения, господин обер-лейтенант! Я только хотел высказать свои соображения. В конце концов, мы в не совсем обычной ситуации...

– Говорите, рядовой, – разрешил Велга.

– Зачем рисковать всем отрядом? Если у нас не выйдет с завалом, то мой «МГ» и автомат Петра задержат погоню, а возможно, и остановят ее. Если же мы удачно взорвем этот проход, то догоним вас, и все вообще будет прекрасно. – Он помолчал и упрямо добавил: – Я так думаю.

– А? – повернулся Александр к Дитцу.

– Солдат прав, – пожат плечами обер-лейтенант. – Тем более что в этом тоннеле мы не можем развернуться по всему фронту. Двоих вполне достаточно, чтобы сдерживать хоть роту.

– Если это обычная стрелковая рота, – пробормотал про себя Велга.

– Что?

– Да так... не обращай внимания. Хорошо. Тогда мы отходим на два километра и ждем взрыва. Если после этого услышим стрельбу, значит, будем уходить дальше. Если нет – ждем вас. Такой вариант устраивает, господин рядовой?

– Вполне, – широко улыбнулся Майер и вскинул пальцы к виску. – Р-разрешите выполнять?

Восемь человек ушли во тьму, и Майер с Онищенко еще долго стояли на повороте тоннеля, вглядываясь в слабеющий отблеск фонарика и вслушиваясь в затихающие шаги своих товарищей. Наконец уже ничего нельзя было рассмотреть и ничего расслышать, кроме слабого журчания воды сзади: в этом месте подземный ручей уходил под монолитную скалу, и его дальнейшее течение было скрыто от людских глаз.

– Ну что, Петя, – хлопнул Майер по плечу Онищенко, – займемся делом?

– А то! – откликнулся он, и обоим показалось, что они поняли сказанное друг другом безо всякой переводной машинки.

Слабого света свечи оказалось вполне достаточно для привыкших к темноте глаз, чтобы заложить толовые шашки в две трещины, как можно выше и глубже, для чего более легкому Онищенко пришлось встать на широкие плечи немецкого пулеметчика. Потом они протянули бикфордов шнур за поворот и, погасив свечу, на ощупь двинулись обратно по течению ручья. Отсчитав триста шагов, остановились и сели.

Тьма и камень окружали их со всех сторон. Разговаривать было нельзя, да и как разговаривать, не зная языка друг друга, и солдаты обратились в слух и зрение, пытаясь уловить малейший шум или свет погони.

Время ползло.

Чертовски хотелось курить.

Петр Онищенко и сам не заметил, как его глаза закрылись... и вот он уже сидит на пологом левом берегу родной речки Жерев, что в Житомирской области. Желтоватая от прибрежного леса вода Жерева успокаивающе журчит, журчит... голова Петро клонится к рукам на коленях... В его руках удочка, за спиной – летний веселый лес, полный птичьего гомона, сладких запахов, грибов и ягод. Рыба не клюет. Петро вскидывает голову, обводит затуманенным взором обрывистый правый берег и ясно-синее небо с пушистыми облаками над ним. Голова

его опять неумолимо клонится вниз... Что-то толкает в бок, и рядовой Онищенко распахивает глаза.

– Не спи, разведка! – шепчет смутно видимая фигура справа.

Странно... Слова явно не русские, но он их, кажется, понял. И он... Петр внимательно взгляделся в фигуру Майера. И он видит! Пусть нечетко, но различает и сидящего рядом немца (чудеса все-таки: он и мирный немец рядышком!), и каменный свод тоннеля над ним. Он видит свои руки, автомат «ППШ» на груди, две гранаты с длинными ручками на ремне Майера.

– Слухай, – говорит он тихо немцу, – я бачу! Я вижу! – И показывает рукой на свои глаза.

– Да, – отвечает тот шепотом, – я тоже. Зрение приспособилось.

Не все, конечно, но общий смысл сказанного они понимают.

– Вот так дела, – бормочет Майер. – Сам не заметил, как выучил русский.

Далеко-далеко слева мигнул, погас, опять мигнул и медленно разгорелся тусклый огонек. Оба бойца как по команде улеглись на животы, до рези в глазах всматриваясь в черную бесконечность каменного коридора.

Впрочем, бесконечность уже не была черной. Там, в глубине, огонек становился ярче и ярче, и уже было видно, что это не просто огонек, а луч мощного фонаря...

– Это они, – шевельнул вмиг пересохшими губами Майер. – Метров шестьсот ходу. Назад!

Опыт – великое дело.

Грохот и яростный свет раскололи подземную тьму и скалу вместе с тьмой.

Прикрыв руками головы, разведчики некоторое время лежа выжидали, а после осторожно двинулись в сторону завала – уж очень хотелось полюбоваться на дело рук своих, да и убедиться в том, что враг уничтожен или хотя бы отрезан, было необходимо.

Завал получился отменным. Уже метров за пятьдесят в воздухе чувствовалась толовая вонь, и пыль от взорванного камня лезла в нос и глотку.

Майер зажег свечу, и в желтоватом ее свете они с удовольствием оглядели великолепную кучу скальных обломков различной величины, засыпавших тоннель под самый потолок.

– Чистая работа! – восхитился немец.

– Да, – согласился Петр. – Мышь и та... Э! А цэ шо?!

Возле стены, подвернув под себя руки, ничком лежал человек.

Точнее, сварог.

Некоторое время разведчики молча разглядывали неподвижную фигуру в переливчатом комбинезоне и круглом чудном шлеме на голове. Наконец Майер передал свечу Онищенко, наклонился и одним ловким движением перевернул сварога на спину... Слабый свет упал на густые ресницы, чувственный рот и длинные черные пряди волос, выбивающихся из-под шлема. Правой рукой Майер подхватил оказавшийся под фигурой излучатель, а левой неуверенно дотронулся до нежной щеки сварога.

– Тю! – сказал стоящий над ним Онищенко. – Кажись, баба!

Далекий звук взрыва докатился до отряда именно в тот момент, когда они заметили впереди слабый намек на свет.

– Наши взорвали тоннель! – крикнул ефрейтор Карл Хейниц.

– Впереди выход!! – радостно завопил Валерка Стихарь.

Уже через пятнадцать минут солдаты стояли на неширокой каменной террасе и, прикрыв ладонями слезящиеся от яркого дневного света глаза, оглядывали окрестности.

Собственно, оглядывать особенно было нечего – тоннель выходил в глубокое и узкое горное ущелье. Терраса, на которой они сейчас находились, практически отвесно обрывалась вниз метров эдак на пятьдесят прямо в белую от пены реку, несущуюся по ущелью. Выше вздымались все те же отвесные скалы, и только полоса голубого неба над головами и солнце,

как раз в этот час заглянувшее в ущелье, убеждали людей в том, что они выбрались-таки наружу из каменного чрева гор.

– Ни фиги себе вышли. – Валерка Стихарь наклонился над обрывом и сплюнул в далекую реку. – Как же тут спуститься? Или подняться? – Он задрал вверх вихрастую голову, осматривая скалы.

– Эй, да тут тропка! – замахал рукой отошедший чуть в сторону Кур г. Шнайдер.

Действительно, от террасы, начинаясь чуть ниже ее, вдоль скалы вела узенькая – в пору пройти одному человеку – тропинка-карниз.

– Похоже, это единственный путь, – хмыкнул Дитц, внимательно изучая тропу. – Надо вам заметить, что никогда не любил горы, а тем более скалы, несмотря на то, что родился в Дрездене, который, как известно, является столицей так называемой Саксонской Швейцарии... Именно по этой причине меня не взяли в горные егеря – отборные войска вермахта, – он вздохнул.

– Надо дождаться наших солдат, – сказал Велга.

– Здесь?

– По-моему, лучше в пещере. Вдруг они погибли и на нас выскочит погоня?

– Я не слышал выстрелов.

– Я тоже, но у нас говорят: «Береженного бог бережет».

– А не береженого конвой стережет, – добавил Валерка Стихарь.

– Рядовой Стихарь! – В голосе Велги звякнул ме-талл.

– Простите, товарищ лейтенант, это я машинально! У нас в Ростове...

– Отставить разговорчики.

– Есть отставить.

Они вернулись в пещеру.

Тоннель перед выходом значительно расширился, образуя настоящий зал. По размерам он, конечно, значительно уступал тому, из которого они ушли несколько часов назад, но и здесь хватало укромных уголков и крупных камней для устройства первоклассной засады.

Восемь человек в полном молчании растворились, исчезли в полумраке, слившись с окружавшим их камнем. Кто лучше фронтового разведчика может устроить засаду? Только другой, еще лучший разведчик. Ни один, даже самый внимательный глаз не смог бы обнаружить в этом сравнительно небольшом пространстве восемь вооруженных людей, готовых к любым неожиданностям и опасностям.

Привычно замедлилось время.

Впрочем, ждать слишком долго не пришлось.

Сначала они услышали приглушенные голоса, потом шаги, и наконец из черной пасти тоннеля вывалились оба разведчика, вытолкнув перед собой.

– Ой, мама! – не выдержал Валерка Стихарь, выскакивая из-за крупного камня, как чертик из коробки. – Какая девчонка! Это что же, за нами такую погоню послали? А где остальные? Нет, только не говорите мне, что все погибли в засаде, – мое сердце этого не перенесет...

– Валера, успокойся. – Велга вышел на середину пещеры, закинул автомат за спину и весело осмотрел всю троицу. – Докладывайте.

Остальные возникли за его спиной словно из ниоткуда, во все глаза разглядывая прекрасную пленницу. Руки у пленницы были крепко связаны за спиной.

– Все получилось по плану, товарищ лейтенант, – кашлянул Майер, дотрагиваясь до левого глаза, под которым красовался шикарный свежий синяк. – Заложили взрывчатку. Ждали. Дождались. Рванули. Погоню завалило. Может, часть отрезало, не знаю. Этой вот повезло – жива осталась. Даже слишком жива, я бы сказал...

– А-а! – догадался подошедший Дитц. – Неужто это она тебе фингал подвесила?

– Так точно, – хмуро кивнул пулеметчик и вдруг весело ухмыльнулся. – Боевая девка, господин обер-лейтенант! Ногой меня, представляете?

– М-мда, – неопределенно протянул Хельмут и кивнул на излучатель, висевший на груди Онищенко (свой «ППШ» тот перекинул за спину). – А это что?

– Трофей, господин обер-лейтенант, – отрапортовал украинец. – У нее був. Помьятаете... э-э... помните, колы мы сидели в тих кимнатах с прозрачною стеною? Той... этот Карсс нам показував, як вона, эта зброя... оружие дейстvue. – Петр перекинул ремень излучателя через плечо и протянул чужое оружие Дитцу. – Такое же.

– Отлично. – Дитц принял излучатель, с удовольствием взвесил его на руках и опустил прикладом к земле. – С трофеем потом разберемся. Сейчас меня лично больше интересует сия особа... – Неожиданно он сделал длинный шаг вперед и жестко ткнул пленницу пальцем в грудь. – Имя?!

Незнакомка, отшатнувшись было от Хельмутова тычка, закусила нижнюю губу, ожгла обер-лейтенанта яростным взглядом серых глаз и демонстративно сплюнула на пыльный сапог немца.

– Ах ты... – Дитц коротко взмахнул рукой, и голова незнакомки дернулась вбок и назад. Звонкий звук пощечины заметался под сводами пещеры.

– погоди, Хельмут... – шагнул к немцу Велга.

– Нет, это ты погоди, Саша, – спокойно повернулся к нему Дитц. – Твоя славянская мягкотелость здесь абсолютно излишня. Это враг. Он был вооружен и шел за нами, чтобы убить. Что из того, что она женщина? В данном случае это не имеет никакого значения. Повторяю: она – враг. А с врагом у меня разговор короткий. Не станет говорить – расстреляю безо всякой жалости. И никто мне в этом не помешает. Даже ты. Понял меня? – И Хельмут подмигнул Александру правым, не видимым пленнице (он стоял к ней в профиль) глазом.

– Понял, Хельмут. – Велга безразлично пожал плечами и отошел в сторону, бросив через плечо: – Действуй. Только не забудь передвинуть переключатель на «переводчике», а то он тебе сейчас переводит с немецкого на русский.

– А, черт... Спасибо, что напомнил. – Дитц нащупал на груди плоскую коробочку «переводчика» и сдвинул переключатель вниз.

– Имя?! – повторил он свой вопрос и медленно потянул из кобуры «парабеллум».

Пленница заметно побледнела, но продолжала хранить молчание.

– Та-ак. – Обер-лейтенант сунул пистолет обратно в кобуру, не глядя передал стоявшему рядом Вешняку излучатель, достал из кармана сигарету, прикурил и выпустил в лицо незнакомке густую струю дыма. – Теперь вы меня отлично понимаете, фрау, мадемуазель или незнаю-как-вас-там. Свидетельство этому – слова вашего сварожьего языка, которые я слышу из этой вот коробочки. Так что я специально для вас раскрою дальнейшие свои намерения. Так вот... Я не зверь и пытать вас не буду. Но я мужчина и солдат. И мои товарищи (а нас тут всего-то десять человек) тоже, как вы, несомненно, успели заметить, мужчины и солдаты. Судя по вашему снаряжению и вооружению, с жизнью солдатской вы хоть как-то, но знакомы. Если же нет, то я вам сообщаю, что жизнь эта очень тяжела. В особенности она тяжела в условиях военных действий, которые вначале мы, люди, вели между собой, а теперь ведем их с вами, сварогами. Основная тяжесть нашей солдатской жизни сводится, скажем прямо, к отсутствию женщин и, соответственно, женской ласки. Смею вас уверить, что находящиеся здесь мужчины не видели женщин очень давно. Вы понимаете, к чему я подвожу? Нет? Хорошо, продолжаю. Будете молчать, я отдам вас нашим солдатам. Они (да и я, признаться, тоже) с удовольствием воспользуются вами, и не по одному разу. Думаю, что различия в анатомии земных женщин и ваших не столь велики, чтобы помешать нашему... э-э... соединению. Если и после этого вам не захочется отвечать на мои вопросы, я, пожалуй, возьму вас с собой. Во-первых, в качестве заложницы, а во-вторых, в качестве просто... э-э... женщины. Ночи, знаете ли, длинные, а мы,

как я уже говорил, давно лишены женского общества в том смысле, о каком вы уже, надеюсь, догадались. Ну а если ваши соплеменники нас все-таки обнаружат и попытаются убить, то вы умрете первой.

– А если я буду говорить? – неожиданно спросила пленница.

– О! Какой, однако, приятный голос! – восхитился Дитц. – Что ж, если вы честно и без утайки ответите на мои вопросы, то в целости и сохранности останетесь нашей пленницей до тех пор, пока возникшая сложная ситуация не разрешится... э-э... в нашу пользу.

– А если она не разрешится в вашу пользу?

– Поживем – увидим, – пожал плечами Хельмут. – Я всего лишь командир взвода и не люблю загадывать дальше чем на сутки вперед. Одно могу обещать твердо: ваша девичья честь никоим образом не пострадает. Разве что вы сами...

– О боже! Нет, разумеется!

– Это жаль. Но делать нечего. Итак, ваше имя?

ГЛАВА 9

Жуткий переполох во Дворце Владык потихоньку пошел на спад.

Сесть об исчезновении единственной и любимейшей дочери Императора «северян» принцессы Станы, как это обычно и случается с вестями подобного рода, со скоростью косморейсера класса "А", идущего в форсированном режиме двигателей, разнеслась среди всех сварогов.

Полномочный представитель Императора «южан» выразил свои соболезнования и предложил любую помощь.

Первый министр милостиво согласился помочь принять и поставил всех своих подчиненных с ног на уши.

Надо сказать, что поначалу Первый не очень беспокоился пропажей принцессы. Он слишком хорошо знал взбалмошный и своенравный характер единственного чада Императора, а также его, этого самого чада, непредсказуемость и склонность к различным авантюрам. Однако, когда тщательнейшие поиски во Дворце, что отняло около трех часов по причине многочисленности и крайней запутанности дворцовых помещений, ничего не дали и попутно выяснилось при этом, что принцесса не покидала планету (все «челноки» оказались на месте), Первый министр обеспокоился всерьез.

Начальнику охраны был устроен классический разнос с топаньем ногами, брызганьем слюной, истеричным ором, срыванием знаков различия и отличия, а также с разжалованием в рядовые (с последующим, впрочем, временным восстановлением в должности). Ему, начальнику, было доходчиво разъяснено, что если тот до темноты не сможет выяснить местонахождение принцессы, то предыдущее разжалование в рядовые покажется ему лучшим и счастливейшим событием в его, начальника охраны, жизни, потому что он, Первый министр, просто без суда и следствия сошлет негодяя на знаменитую планету-рудник Бреггу, откуда, как известно, еще никто... ну и так далее.

Первый министр как раз потихоньку приходил в себя после этой поучительной во всех смыслах беседы, размышляя о том, что ему уже нельзя так себя взвинчивать... а также о том, что предпринять и как быть, если все-таки принцесса (спаси нас бог) найдена так и не будет, когда ему доложили, что старший советник Карсс просит аудиенции.

Это было кстати. Лучшей возможности отвлечься от скорбных мыслей и переключиться на другое, пусть неприятное, но все же не такое гиблое дело трудно было придумать, и Первый министр коротко приказал в селектор:

– Пусть войдет...

Старший советник Карсс уже давно проклял в душе тот день и час, когда ему пришла в голову безумная идея привезти на Пейану вооруженных землян. Однако его характер, характер сварога, добившегося всего в этой жизни только собственным трудом и волей, не позволял ему отступить. Да и не жаловали отступников в администрации Первого министра. Признать свою ошибку – это одно, а бросить на полпути сложное дело или не постараться собственную ошибку исправить – это, извините, совершенно другое. Тут уж пощады ждать не приходилось, и никакие твои личные качества или прежние заслуги в расчет не брались.

Разумеется, Карсс отлично сознавал, в каком состоянии духа находится его непосредственный начальник в связи с исчезновением принцессы Станы, но не доложить о возможной гибели поисковой группы, которая в то же время являлась группой захвата, он не имел права.

– Садитесь, Карсс, – вяло махнул рукой Первый, когда старший советник приблизился к его столу.

– Благодарю вас. – Карсс уселся на жесткий стул для посетителей и выжидательно посмотрел в обрюзгшее и еще больше постаревшее за последнее время лицо начальника.

– Я старею, советник, – неожиданно сообщил тот. Карсс вздрогнул. Он ожидал чего угодно, но только не подобных признаний Первого.

– Да, старею. И дело не в прожитых годах и здоровье. Дело в удаче. Мне перестало везти. Отсюда следует, что я утратил чутье, которое раньше никогда меня не подводило.

– Цепь нелепых случайностей... – начал было Карсс.

– Бросьте! Какие, к черту, случайности... Ладно, оставим это. Вижу по вашему лицу, что вы принесли мне сообщение об очередных неприятностях. Угадал?

– Увы, ваше превосходительство. Пятнадцать минут назад прервалась связь с группой захвата.

– Прервалась связь... – Первый пожевал губами, как бы пробуя новость на вкус, кряхтя, полез в стол и водрузил на него два стакана и початую бутылку крепкого. Налил. Пододвинул один стакан Карссу, второй взял себе и залпом выпил. – Пейте, советник. Иногда это помогает.

Карсс выпил покорно, но с удовольствием.

– Что значит – прервалась связь? – спросил глава правительства «северян». – Аппаратура не в порядке?

– Все четыре комплекта сразу? Маловероятно. Честно говоря, я боюсь, что земляне устроили какую-нибудь очередную пакость.

– Например?

– Например, засаду.

– Как была экипирована группа?

– Молекулярные комбинезоны, защитные шлемы, излучатели, продукты... Стандартный набор, в общем.

– Вот. Молекулярные комбинезоны! У землян только древнее пулевое оружие. Ну, гранаты... Насколько я знаю, ни пуля, ни осколок не возьмут молекулярный комбинезон. Так о какой засаде может идти речь?

– У них не только пулевое оружие и гранаты, – тихо сказал Карсс. – Я припоминаю, что у них была еще и довольно мощная взрывчатка.

– Взрывчатка... взрывчатка... Ну и что?

– Представьте себе, что в нужное время и в нужном месте они взрывают скалу и устраивают завал. Если на тебя валятся тонны камней, то не спасет никакой молекулярный комбинезон. Сварога просто раздавит.

– Великий боже... – Первый министр налил себе еще, выпил и уставился на Карсса яростными покрасневшими глазами. – Почему, черт возьми, вы не отобрали у них взрывчатку?! Хотя что это я... конечно... Тогда вообще непонятно, зачем было это все затевать, да? М-мда, кто бы мог предвидеть... Это ваше предположение насчет завала или вы знаете точно?

– Предположение. Хотя связь прервалась как раз, когда мы говорили с командиром... в общем, мне показалось, что я слышал нечто похожее на взрыв. Я отдал приказ резервной группе двигаться по следам первой с предельной осторожностью и все выяснить. К сожалению, наша сканирующая аппаратура не столь совершенна, как хотелось бы, и мы не можем с воздуха обнаружить и проследить под горами этот тоннель.

– Подождите... а направление? Ведь вам должно быть известно направление!

– Да, известно. Воздушная разведка уже несколько часов обследует в этом направлении каждый склон. Ничего. Никаких признаков выхода тоннеля наружу. Да и сами горы, надо сказать, не лучшее место для поисков.

– Сколько времени потребуется резервной группе, чтобы достичь того места, где прервалась связь?

– Около трех часов. Минимум.

– К этому времени начнет темнеть.

– Да.

– Проклятье. Я вижу, вам тоже не очень-то везет, а, советник?
– Я стараюсь переломить ситуацию, ваше превосходительство.
– Переломить... Что ж, действуйте. И обо всех изменениях докладывайте мне незамедлительно. В любое время суток. Идите.
– Слушаюсь. – Карсс поднялся, пошел было, но, чуть замешкавшись, спросил: – Извините, ваше превосходительство, о принцессе ничего не слышно?
– Что? О принцессе... Не твое это дело, советник. Занимайтесь своим – голова целее будет. Марш.

... Снаружи шелестел дождь.

Эдакий нудный, затяжной, мелкий серый дождь, когда кажется, что он был всегда, всегда будет и никому уже никогда не суждено увидеть солнца и синего неба.

Отряд расположился неподалеку от выхода (входа?) в пещеру, отдыхал и терпеливо ждал сумерек.

Их искали.

Дважды до того, как зарядил дождь, Стихарь и Хейниц, назначенные наблюдателями в первую смену, видели, как узкую синюю полосу неба над ущельем пересекали дискообразные летающие машины сварогов. Сержант Стана из личной Императорской гвардии называла эти машины каким-то труднопроизносимым словом, поэтому солдаты окрестили их просто «тарелками» и впредь называли так. По словам Станы, принцип действия двигателей «тарелок» был основан на явлении антигравитации. Вообще пленница оказалась девочкой довольно общительной и покладистой. Когда она убедилась, что люди не сделают ей ничего плохого, если она поделится информацией, Стана охотно рассказала все. А именно, что была придана особой группе захвата в качестве наблюдателя отличной Гвардии Императора. Что хоть и носит звание сержанта, но не подчиняется ни одному офицеру обычных космовойск. Да, их, людей, решено было уничтожить, но теперь, когда у них есть она в качестве заложницы, появился шанс выжить. Дело в том, что Император очень высоко ценит любого своего гвардейца, а они, люди, сварогам, в общем-то, не враги. Так что если отряд землян сдастся добровольно, то она, сержант Стана, практически гарантирует им жизнь и возвращение на родину.

– Так мы тебе и поверили, – добродушно проворчал в ответ на это Михаил Малышев, а остальные просто рассмеялись – кто зло, а кто и весело, чем, кажется, изрядно сбили спесь с прекрасного сержанта.

В основном командиров отряда Велгу и Дитца интересовали техника и оружие сварогов, и Стана, как могла, описала мощь боевых звездолетов, способных одним залпом испепелить небольшую планету, планетарные «челноки», десантные «тарелки», бортовые плазменные пушки, самонаводящиеся атомные ракеты, боевые лазеры, ручные излучатели...

– Вот! – поднял вверх палец Дитц. – Именно ручные излучатели меня сейчас интересуют больше всего.

– Да уж, – хмыкнул Велга. – С этой... как ее... плазменной пушкой бороться, видимо, бесполезно, а излучатель все-таки ручное оружие, нам более привычное. Как он действует, кстати?

– Давайте покажу, – протянула руку Стана.

– Э, нет! – засмеялся Александр. – Так показывай. Пальцем.

– Предохранитель. Спуск. Регулятор мощности. Это максимум. Это минимум. – Стана ткнула пальцем в различные части излучателя, лежавшего на коленях у Велги, и с обиженным видом отвернулась.

– А ну-ка, ну-ка... – лейтенант поставил регулятор мощности на минимум, вскинул излучатель к плечу, прицелился в крупный камень шагах в тридцати, у противоположной стены пещеры, и плавно нажал на спуск.

Сверкнул синий луч, что-то коротко зашипело... и через секунду камень рассыпался в пыль.

– Да-а... – протянул Велга, опуская оружие стволом вниз. – Эта штука похлеще гипер-болоида будет!

– Что такое гиперболоид? – заинтересованно осведомился Хельмут.

– А, извини, я и забыл, что ты Толстого не читал...

– Толстого я читал, – обиделся Дитц. – За кого ты меня принимаешь? «Война и мир» – великая книга и...

– Нет, что другой Толстой. Не Лев. Однофамилец, понимаешь? В нашей литературе три Толстых и все...

– Да понял, понял.

– Так вот, гиперболоид – это фантастическое оружие, описанное Алексеем Толстым в романе «Гиперболоид инженера Гарина». Оно стреляет... э-э... концентрированными особым образом лучами света, и свет этот прожигает все, что угодно.

– А чем стреляет ваше оружие? – обратился Дитц к Стане.

– М-м... особо заряженные элементарные частицы... это сложная физика. Я и сама не очень понимаю, а уж вам и вовсе...

– Ясно. Не доросли, значит.

– Брось, Хельмут, – вмешался Велга. – Я вот, например, тоже не очень хорошо понимаю принцип действия радио или, скажем, телефона, но с удовольствием пользуюсь и тем, и другим.

Дитц в задумчивости подбросил несколько раз на ладони камушек, зашвырнул его в черный зев тоннеля и сказал:

– Наверное, ты прав. Какая разница, известен мне или нет принцип действия излучателя? Главное, я знаю, что он намного мощней наших автоматов и даже «МГ» Майера. Что ж, хорошо, что он у нас есть. Послушайте, Стана, а если поставить регулятор на максимум и не отпускать курок, на сколько хватит заряда?

– На две минуты.

– По-моему, очень даже неплохо. – Дитц повернулся к Велге. – Как думаешь, кому его доверить?

– Я думаю, Малышеву, – чуть подумав, ответил тот – Он таежник, бывший охотник, отличный стрелок и вообще человек очень бережливый. Просто так заряд не истратит – только по делу. Михаил!

– Я, товарищ лейтенант! – Малышев мгновенно проснулся и сел, растирая лицо пятерней.

– Иди-ка сюда.

Таежник неожиданно легко для своих внушительных размеров поднялся на ноги и как-то сразу очутился рядом.

– Вот, Михаил, – Велга протянул гиганту излучатель. – Это оружие мы решили доверить тебе, как самому меткому и бережливому... На сколько он бьет? – спросил он пленницу.

– Эффективный огонь от пятидесяти до трехсот метров. Потом луч слабеет пропорционально расстоянию, – ответила Стана.

– Триста метров, – повторил Велга. – Хорошо.

Смотри, вот это предохранитель, это спуск, а это регулятор мощности. Максимум. Минимум. Справишься?

– Справлюсь, товарищ лейтенант, не сомневайтесь! – Михаил принял излучатель и ласково похлопал оружие по прикладу. – Знатный дробосрал!

– Как, как?! – поперхнулся смехом Велга. – Это что за слово такое, Миша?

– А, это у нас так в деревне говорили про горе-охотников: «Из английского дробосрала на три метра с подскоком в сарай, глядишь, и попадет». – Малышев скорчил уморительно серьез-

ную рожу и на полусогнутых сделал три неуклюжих прыжка, карикатурно целясь в воображаемый сарай.

Велга и Дитц расхохотались.

– Из английского... – задыхаясь, переспросил Александр. – Как там бишь его?

– Дробосрала, – охотно подсказал Малышев.

– Ой, не могу... А почему... ха-ха-ха... почему... ой!., почему английского-то, Миша?!

– Так ведь когда мужики наши после империалистической и революции домой возвращались, у многих английские карабины были. На редкость дерьмовое оружие, товарищ лейтенант. С нашей трехлинейкой, к примеру, ни в какое сравнение не идет. Вот и дали им, этим карабинам, такое, с позволения сказать, название: «английский дробосрал».

– Да... – отсмеявшись, отметил Велга. – На три метра с подскоком... Надо же! Это надо запомнить – может, и пригодится когда... в воспитательных целях.

– Ты надеешься вернуться на Землю? – почему-то спросил Дитц.

– Что? Не знаю... Надеюсь, наверное. Понимаешь, все это, – он обвел широким жестом пещеру и спящих в большинстве своем солдат, – как бы понарошку. Вроде как сон или декорации к какому-то безумному спектаклю. Льется кровь, товарищи гибнут, а я... а я все никак не могу проснуться по-настоящему.

– Это все твоя мятущаяся пресловутая славянская душа, – безапелляционно заявил Хельмут. – Я вот, например, надеюсь вернуться и со всей своей железной арийской волей и рациональным образом мыслей сделаю все, чтобы мои надежды стали реальностью и... Ты чего ржешь, а? Ну чего ты ржешь, спрашивается?!

– Ох, извини. – Александр смахнул пальцем выступившую слезу. – Уж больно ты выглядел... как это... ненатурально надутым, что ли. Не удержался.

– Надутым? Да еще и ненатурально? А как, интересно, можно выглядеть надутым натурально вдруг рассмеялся и хлопнул Велгу по плечу. – Вам не кажется, товарищ лейтенант, что пора поднимать людей?

Дождь чуть поутих, но низкие сплошные тучи плотно обложили небо и, судя по всему, расходиться не собирались. К тому же темнело – самое время уходить, не опасаясь, что их обнаружат с воздуха. Еще раз ополовинив НЗ, которого теперь осталось на одну легкую закуску, отряд, подогнав снаряжение, гуськом двинулся по узкому карнизу над бешеной горной рекой. Двоим на этой тропе, конечно, разойтись было бы трудновато, но она была достаточно широка для того, чтобы шагать по ней вот так, друг за другом, без особого риска оступиться в сумерках и свалиться вниз, в реку. Впрочем, сумерки продлились недолго – их незаметно и быстро сменила ночная тьма. К счастью, на ощупь двигаться не пришлось: поверхность тропы странным образом оказалась гораздо светлее остального камня и смутно белела в ночи, окутавшей отряд.

Так они продвигались около полутора часов, пока тропа постепенно не пошла под уклон и наконец не пропала вовсе, выведя их на мелкогалечный берег все той же реки.

Ущелье здесь заметно расширилось, каменные стены-скалы разошлись в стороны, река поуспокоилась, и у нее появился довольно широкий левый берег, на котором сейчас и оказался отряд.

Дождь, было утихший, припустил опять, заметно похолодало, и солдаты ускорили шаг, чтобы, во-первых, согреться, а во-вторых, уйти подальше от этого места. Все понимали, что вторую пещеру тоже рано или поздно обнаружат, равно как и тропу-карниз, и тогда...

Первым слабый свет впереди и чуть правее заметил шедший на этот раз во главе отряда Александр Велга.

Отряд держался поближе к каменной стене, там, где кончалась галька и пролегала неширокая полоска обычной, покрытой травой земли. Тут было легче идти, да они и не были так заметны, как на фоне светлого, почти белого галечника.

– Привал, – командовал Велга и осторожно опустился на землю.

Бойцы и Стана последовали его примеру.

– Хельмут! – позвал Александр. – Глянь-ка в свой «цейсс», что там за свет впереди?

– Уже смотрел. – Дитц подошел и присел рядом. – По-моему, это населенный пункт. Деревня скорее всего. А светятся окна в домах.

– И что будем делать?

– Думаю, надо выслать вперед парочку разведчиков – пусть выяснят, что да как.

– Согласен. Кого?

– Я думаю...

– Товарищ лейтенант! – громкий шепот Малышева прервал их. – Впереди что-то движется. Живое.

Изумительному зрению таежного охотника Велга доверял полностью, и реакция его была мгновенной:

– Отряд, рассредоточиться! Без команды не стрелять! Шнайдер и Онищенко, за пленницу головой отвечаете!

Через две секунды солдаты рассыпались и залегли, используя для маскировки малейшие неровности почвы и крупные скальные обломки, там и сям разбросанные на этой полоске земли.

Теперь и Велга различал впереди три смутно белеющие фигуры. Вот они замерли, вспыхнул огонек... У шедших к ним оказались факелы, и теперь люди хорошо рассмотрели трех сварогов, одетых в длинные, до пят, белые рубахи. Двое из них остались на месте, а третий, сделав несколько шагов вперед, остановился и громко сказал:

– Мы приветствуем вас, нежданные пришельцы! И поклонился.

– И мы приветствуем вас! – крикнул из-за камня Дитц. – Подойдите ближе и остановитесь, когда я скажу!

Сварог подчинился.

Когда до него осталось всего несколько метров и Хельмут приказал: «Стой!», колеблющееся пламя факела выхватило из темноты морщинистое лицо старика с резкими волевыми чертами. Это было лицо человека, привыкшего властвовать и в то же время готового при необходимости пойти на соглашение. Длинные седые волосы падали ему на плечи, а в глубине провалов-глазниц притаились внимательные и умные глаза.

– У нас нет оружия, – спокойно сказал сварог. – Не бойтесь.

– Еще чего... – проворчал Дитц и, поднявшись на ноги, вышел из-за камня и встал перед стариком. К нему тут же присоединился Велга, подав рукой знак остальным оставаться на месте.

– Меня зовут Арум, – продолжал старик. – Я Хранитель Знаний и старший в Совете, а посему наделен властью решать, судить, казнить и миловать свой народ. Со мной двое членов Совета. Присядем? Нас оживит довольно долгая беседа.

Все трое уселись прямо на землю.

– Пусть члены Совета подойдут, – предложил Велга. – Негоже сварогам их звания оставаться в стороне. Только, пожалуйста, погасите факелы. Нас ищут, и я боюсь, что свет факелов может привлечь внимание наших врагов.

– Хорошо, – кивнул Арум и жестом подозвал своих спутников.

Подошли еще двое пожилых сварогов, молча погасили факелы и уселись рядом.

– Что ж, – начал Арум, – будем пока беседовать в темноте и на сыром ветру, если вы, конечно, не согласитесь проследовать с нами в деревню, где вас ожидают просторный и светлый дом, горячая пища и чистые постели.

– Заманчиво, – усмехнулся Дитц. – Но мы, пожалуй, вначале вас выслушаем. Кто вы?

– Наши разведчики, – сказал Арум, как бы не замечая вопроса Хельмута, – донесли нам о происшедшем вчера вооруженном столкновении между вами и... в общем, мы знали о вашем приближении. Я вам изложу свое понимание событий, а вы меня поправите, если я ошибусь. Хорошо?

– Договорились, – как-то весело согласился Дитц. – Любопытно будет узнать.

ГЛАВА 10

– Господин старший советник! Проснитесь, господин старший советник! Беда!

Глаза открывать не хотелось. Совсем.

Карсс уже проснулся, все прекрасно слышал и чувствовал цепкие пальцы секретаря на своем плече. Плечо безжалостно трясли. Но глаза все равно открывать не хотелось. Это означало бы, что он **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** проснулся, а значит, способен воспринимать окружающую реальность и соответственно на эту самую реальность реагировать. Окружающая же реальность в последнее время преподносила такие сюрпризы, что реагировать на нее не хотелось еще в большей степени, чем открывать глаза. Опять же, он совсем не спал все прошедшие сутки, и вот на тебе – стоило вздремнуть пару часов, как уже тебя будят и кричат: «Беда!» Какая, к чертям, может быть еще беда после того, что уже случилось?! Вот разве что Император отбросил копыта, прости господи...

Карсс сделал над собой героическое усилие, глубоко вздохнул и открыл глаза. И сразу же увидел донельзя взволнованное юное лицо своего личного секретаря, склонившееся над ним.

– Ну?... – недовольно проворчал старший советник и резко сел на своем ложе, заставив секретаря испуганно отшатнуться. – Какого черта, Берм, что еще случилось? Я же ясно сказал: только в крайнем случае...

Карсс спал одетым в собственном кабинете на диване для посетителей, и теперь, с недосыпа, вполне уютный и приличный раньше кабинет казался ему отменно казенным и предельно омерзительным.

– Так ведь крайний случай и есть... – пробормотал секретарь и отступил к столу.

– Докладывай, – хмуро разрешил Карсс, спуская ноги на пол.

– Резервная группа наткнулась в подземном тоннеле на завал, под которым погибла группа захвата. Земляне устроили засаду, взрыв... Все как вы и предполагали... – Секретарь замялся.

– Ну?! – нетерпеливо рявкнул Карсс. Он уже совсем проснулся.

– Один солдат из группы захвата выжил. Его вытащили из-под камней и сейчас везут сюда. Ему требуется срочная операция, но он жив. Прежде чем потерять сознание, он успел рассказать, что с ними в группе захвата находилась... была... принцесса Стана, – с трудом закончил фразу Берм.

– Повтори, – тихо попросил Карсс.

– Свароги, – неторопливо начал Арум, – две тысячи лет назад ушедшие к звездам, так и не сумели объединиться и научиться жить в мире. Теперь они вновь нашли Пейану, вот эту нашу планету, которая является их прародиной, – он повел худой рукой в широком жесте. – Они вернулись и снова, как тысячи лет назад, готовы драться за Пейану друг с другом. Но что-то их, однако, удерживает. Я долго думал и понял, что скорее всего ни те, ни другие не обладают достаточным преимуществом в военной силе, чтобы победить наверняка. И вот они наняли или заставили – скорее всего второе, верно? – вас, жителей другой планеты, воевать между собой вместо них, как когда-то, в незапамятные времена, нанимали нас, горцев. – Он умолк, переводя дыхание.

– Откуда вы знаете, что мы с другой планеты? – отрывисто спросил Дитц.

– Нетрудно догадаться, – спокойно ответил Арум. – Во-первых, вы все-таки отличаетесь от нас внешне, хотя, конечно, очень похожи. Во-вторых, ваш язык. Ну и в-третьих, разумеется, ваше оружие. По принципу действия оно похоже на то, чем пользуемся мы, и в то же время совершенно другое. Это сразу видно. И вообще... ваша одежда, поведение... вы ведете себя не так, как могли бы вести себя свароги. Чуть-чуть, но не так. И потом... это трудно объяснить,

но я просто знаю, что вы – пришельцы. – Он помолчал, и стало слышно, как где-то далеко в ночи кричит какая-то птица. – Понимаете, все дело в том, что свароги непрерывно враждуют с тех пор, как было похищено и спрятано Милосердие Бога. Я вот осуждал только что звездных сварогов, а ведь и мы, горцы, отнюдь не пребываем в мире и согласии...

На вас, например, напали не мы, а другие горцы, с которыми мое племя, прямо скажем, в очень плохих отношениях. Я не знаю, почему они напали на вас. Может быть, из-за того, что вы затеяли бой на их территории? Не знаю... Но это именно они стерегут Милосердие Бога, а мы... мы не можем его отнять силой, потому что за Милосердие Бога нельзя воевать. Это табу. Те горцы, что напали на вас, не пользуются сами Милосердием Бога, потому что боятся его. Если бы они хоть раз прикоснулись к нему, воспользовались им, если бы Милосердие Бога было освобождено, вражда между сварогами тут же бы прекратилась, как это уже и было сотни и сотни лет назад.

– Что это еще за Милосердие Бога такое? – недоуменно нахмурился Велга. – Какой-то талисман?

– Не талисман, нет, – покачал головой старик. – Это... Послушайте! Я стар, и мне трудно разговаривать с вами тут, на холодной земле. Я еще раз повторяю приглашение. Пойдемте в деревню, будьте моими личными гостями. Мне... нам невыгодно выдавать вас звездным сварогам, поймите. Во-первых, они нам не друзья, а потом, признаться честно, я и мой народ рассчитываем на вас в очень и очень важном деле. Оно будет выгодно и вам, поверьте, но это длинная беседа, а вы устали и голодны... Я обещаю вам не только безопасность, я обещаю надежно спрятать вас и ваших людей в случае, если звездные свароги нападут на ваш след. – И Арум выжидательно замолчал.

– Всем мы нужны, – задумчиво проговорил Велга. – Все без нас просто обойтись не могут. Нарасхват мы просто... Ну, Хельмут, что скажешь?

– Я ему верю, – решительно сказал Дитц. – Но дело даже не в этом. Дело, Саша, в том, что у нас, по сути, нет выхода. Представь себе, что нас, допустим, через час-два обнаружат. Твои действия?

Александр тоскливо оглядел ночное ущелье. Спрятаться тут, было очевидно, негде.

– Да уж, – хмуро заметил он, – перестреляют, как куропаток.

– Вот именно. Как куропаток. А господин Арум предлагает помощь. Я ведь вас правильно понял, господин Арум, вы помощь предлагаете?

Старик величественно наклонил голову.

– Ну вот... Саша, нам крайне необходим союзник, и ты это знаешь не хуже меня. Я предлагаю рискнуть.

Велга подумал еще немного, кивнул каким-то своим мыслям и легко поднялся на ноги.

– Хорошо, – сказал он, – ведите нас в деревню.

Дом, в который их привел Арум, действительно оказался большим и светлым, хотя освещался не при помощи электричества, а неким подобием керосиновых ламп.

Сама деревня располагалась на более высоком правом берегу реки. В этом месте берега соединял подвесной, жутко раскачивающийся при каждом шаге, но довольно крепкий мост, которым они и воспользовались.

Выставив двух часовых, отряд разместился в доме на лавках за широким деревянным столом. Арум громко позвал кого-то, и тотчас из боковой комнаты, которая, по-видимому, являлась кухней, появились две женщины среднего возраста и принялись быстро и ловко накрывать на стол.

Кувшины с напитками, какие-то, судя по виду, овощи, громадное блюдо с жареным мясом...

Александр сглотнул слюну и подумал, что все это очень кстати – они как раз подъели остатки неприкосновенного запаса, а голодный солдат – это совсем не то, что солдат сытый. Да

и офицер тоже. Конечно, существовала вероятность, что их за этим обильным столом, например, отравят, но ему почему-то хотелось верить в противоположное.

– Кстати, Арум, – небрежно заметил Дитц, наливал себе из кувшина. – Должен заметить, что, если мы отравимся, наши товарищи, те, что остались снаружи на часах, перестреляют тут всех. Можете мне поверить. Старик весело засмеялся.

– Господин офицер, – он развел руками, – неужели вы думаете, что если бы я хотел убить вас и ваших людей, то уже давно не сделал бы этого? Мы следим за вами от самой пещеры, и устроить засаду по дороге или здесь, в деревне, ничего не стоило. У нас есть винтовки, и многие мои воины отлично умеют ими пользоваться. Так что... Нет, ешьте спокойно. Правда, вы пришельцы из другого мира, но, судя по тому, что вам не вредят наши воздух и вода, пища тоже должна подойти.

Впрочем, наедаться до отвала Дитц и Велга себе не позволили и солдатам тоже не дали, а чтобы не было соблазна, Дитц, очистив тарелку с мясом и овощами и выпив пару кружек напитка, чем-то отдаленно напоминающего пиво, попросил убрать со стола.

– Подождем пару часов, – объявил он. – Если все будет в порядке, накормим Руммениге и Вешняка, да и сменим их заодно. А пока, – он повернулся к Аруму, – выкладывайте, что у вас на уме. Я так понимаю, что вы пригласили нас не только из-за священного закона гостеприимства? – И Дитц улыбнулся хоть и сытой, но все равно волчьей улыбкой.

– Что ж, – сказал Арум, оглядев гостей, – я расскажу. Только..., Среди вас, я вижу, женщина. И женщина эта – звездный сварог да еще и солдат.

– Это пленница, – кротко пояснил Велга.

– Понимаю, – наклонил голову старейшина. – Думаю, однако, что ее вряд ли стоит посвящать в наши планы. Как вы считаете?

– Ваши предложения? – приподнял брови Хельмут.

– В доме есть погреб. Пусть посидит пока там.

– Руди, проводи, – кивнул пулеметчику Дитц.

– С удовольствием, мой лейтенант! – ухмыльнулся Майер и, поднявшись из-за стола, взял Стану под локоть. – Пошли, детка. Старина Рудольф позаботится о тебе и даже, если хочешь, скоротает время в погребе вместе с тобой. Вдруг тебе станет страшно и...

– Отставить, – негромко приказал Дитц, и Майер, обиженно умолкнув, повлек прелестного сержанта к люку в погреб.

– Итак, – взглянул на Арума Дитц, когда дело было сделано и Рудольф вернулся на место, – мы вас внимательно слушаем.

– Милосердие Бога... – откашлялся старик. – Как я уже говорил, это не талисман. По правде сказать, я и сам в точности не знаю, что это такое. Знаю только, что, по легенде, много тысяч лет назад Бог подарил свое Милосердие жестокому вождю-воину Свейну Отважному, и тот отказался от своих завоеваний и стал одним из самых мудрых и справедливых властителей за всю историю сварогов. Да, Милосердие Бога... Никто его не видел и никто не представляет, как оно выглядит, но зато мы совершенно точно знаем, что оно вселяет мудрость и доброту в сердца жестоких владык и способно водворить мир посреди самой страшной войны, стоит только прикоснуться к нему рукой. Очень и очень долго оно считалось пропавшим, и уже никто, за исключением таких, как я, Хранителей древних знаний, не верил в его существование даже здесь, на Пейане, не говоря уже о звездных сварогах, которые и в существование-то самой планеты-праматери верят, по-моему, с трудом. Но даже они помнят и чтут легенду о Милосердии Бога. Так вот. А около ста лет назад, по крупницам собирая разрозненные сведения в старых книгохранилищах, нам удалось выяснить, где находится Милосердие Бога. Древняя каста жрецов жестокого бога Герлена, в которого практически никто уже не верит, за исключением нескольких сот фанатиков, оказывается, прятала Милосердие все эти тысячи лет в горах, неподалеку отсюда. Предки этих жрецов, изобретя специальный напиток, который сводил на

нет в течение нескольких часов действие Милосердия Бога, выкрали его, потому что считали, что оно на самом деле не от Бога, но от Дьявола и свароги не должны пользоваться им, дабы не погубить свои бессмертные души. Глупцы... Впрочем, это не важно. А важно то, что мне в точности известно, где находится Милосердие Бога в данную минуту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.